

*Рекомендовано Министерством образования РФ
для дополнительного образования*

ИСТОРИЯ РОССИИ

ЮРИЙ ДОЛГОРУКИЙ

**Повесть Ю. Крутогорова
Художник В. Юдин**

В издании участвовало
творческое объединение
при Фонде Ролана Быкова

МОСКВА

БЕЛЫЙ ГОРОД

1998

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО РЮРИКОВИЧЕЙ

ВЛАДИМИР НОВГОРОДСКИЙ

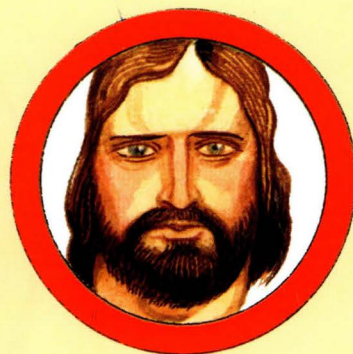
СВЯТОСЛАВ ЧЕРНИГОВСКИЙ

РОСТИСЛАВ

ДАВЫД

ОЛЕГ ГОРИСЛАВОВИЧ

ВАСИЛЬКО

ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ

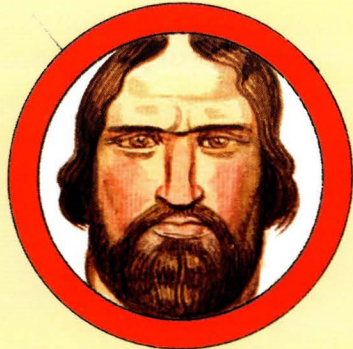
ВСЕВОЛОД

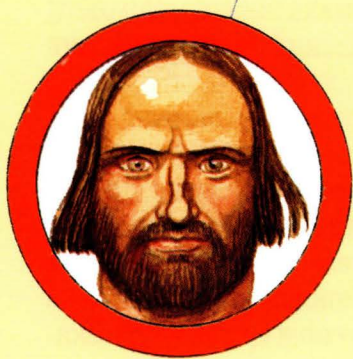
ВЛАДИМИР МОНОМАХ

ЮРИЙ ДОЛГОРУКИЙ

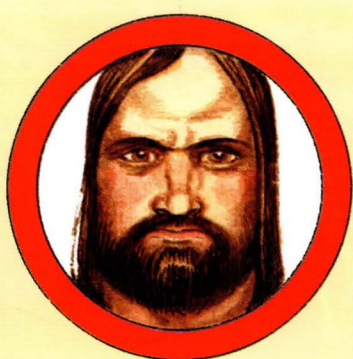
МСТИСЛАВ ВЕЛИКИЙ

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ

ВСЕВОЛОД
БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО

ИЗЯСЛАВ

Моей внучке Машеньке

РОДИНКА

Из окна палаты открывался вид на Десну. Круглоголовые утки-черняги и остроносые чайки, крикливо бранясь, кружили над гладью вод. Выше парили голуби, пущенные отроком с деревянной вышки. Длинным шестом он весело гонял стаю, расписывая небо знаками, одинаково понятными ему и голубям.

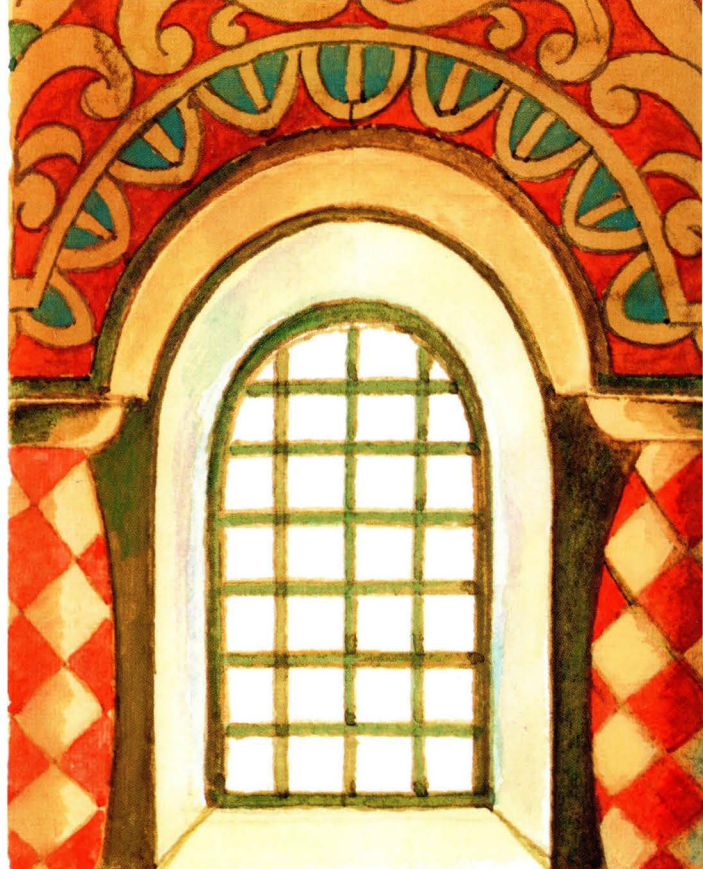
Княжич Юрий и его дядька учен-муж Симонович стояли у окошечка.

— А день-то ныне соловьиный, второй день майя-травня, — улыбнулся учен-муж. — Соловьи должны прилететь.

Симонович воспитывал княжича с первых его шагов, и в шесть лет Юрий умел считать до «тмы» — тысячи; соединял слоги в слова:

— Да тор-жес-тву-ют свя-ты-е во сла-ве...

Георгий Победоносец

Так он читал божественную книгу — Псалтырь. Правда, не все он понимал. Например, что есть слава?

Учен-муж, сам читающий книги на пяти языках, объяснял:

— Слава бывает дурная и добрая. Как люди скажут про тебя? Чем наградишь их — злом ли, милостью?

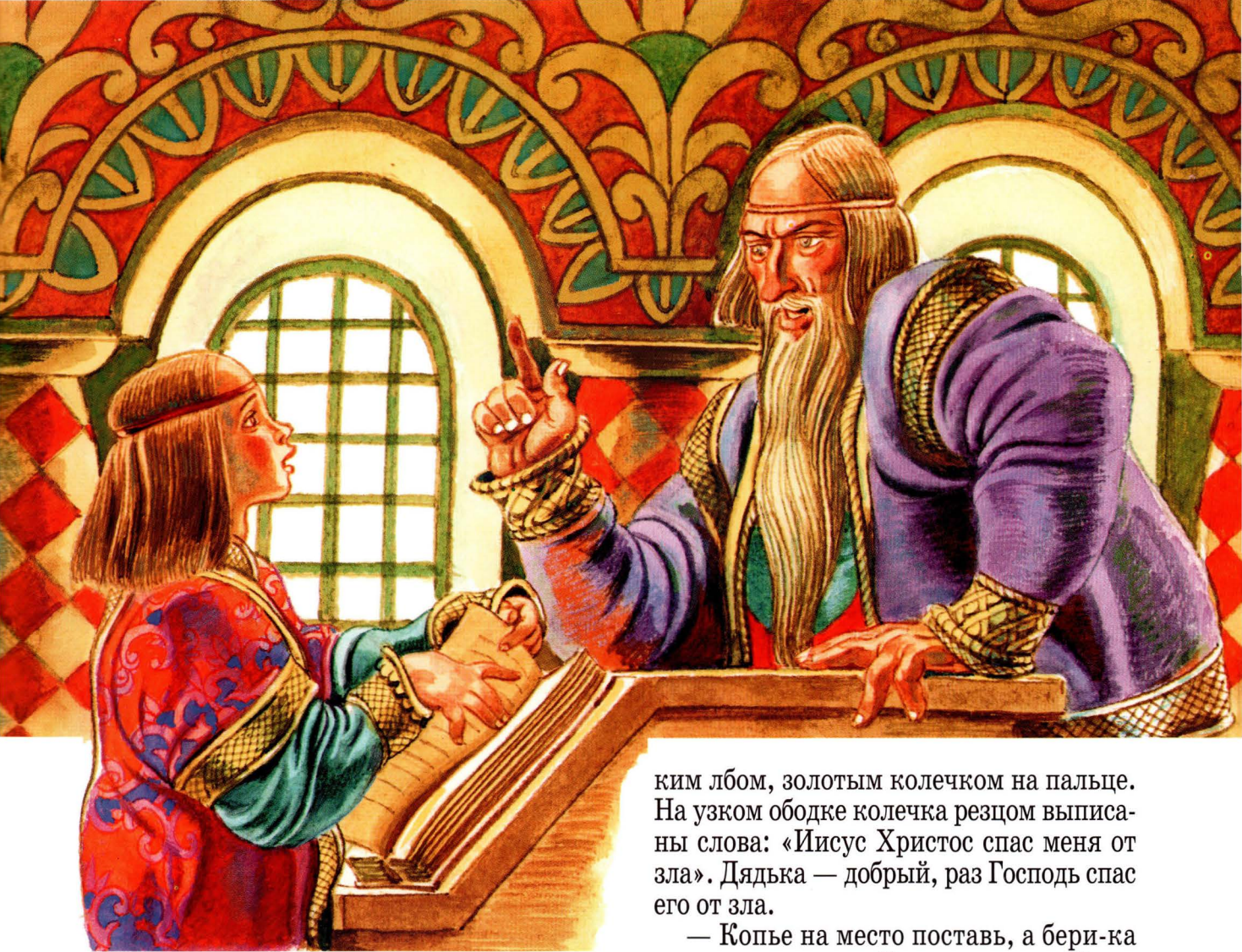
Отец Юрия, черниговский князь Владимир Мономах, наставлял Симоновича:

— Держи его так, чтобы тело имел худое, душу чистую, беседу кроткую, а сердце храброе. И чтобы соблюдал слово Господне, ибо только Его дела чудны.

Так самого Мономаха воспитывал отец, великий князь киевский Всеволод Ярославич.

Княжича, пятого сына Мономаха, родившегося в 1090 году, назвали в честь Георгия, почитаемого на Руси святого. Георгий, Егорий, Юрий — все имена на один лад. А про своего небесного покровителя он узнал все от Симоновича.

— В одном заморском граде, — рассказывал тот, — поселился дракон. Велел он

тамошнему государю присылать на съедение молодую девицу. Настала очередь идти царской дочери. «Не отдашь — все дома пожгу, людей предам лютой смерти!» Повели царскую дочь к дракону.

Но тут в град явился юноша на белом коне с копьём. Он решил спасти царскую дочку. Завязалась сеча между юношей и драконом, и пронзил юноша копьём злого врага. Звали того всадника Георгием, а за подвиг свой удостоился он прозвища — Победоносец.

Победоносец! Как славно таким же стать, копьё-то у него тоже есть! Княжич схватил игрушечное древко и, смеясь, наставил на Симоновича.

Дядька не был похож на врага — со светлой бородой до живота, чистым высо-

ким лбом, золотым колечком на пальце. На узком ободке колечка резцом выписаны слова: «Иисус Христос спас меня от зла». Дядька — добрый, раз Господь спас его от зла.

— Копьё на место поставь, а бери-ка книгу, — молвил Симонович. — Наречение греческое повторим. Твой старший брат Мстислав не то что греческий — и английцкий знает. Матушка обучала его.

Про покойную матушку часто вспоминали при княжеском дворе. Ее звали Гидой, она была дочерью английского короля Гаральда.

— Симоныч, а ты короля того видал?

— Не привелось. За Гидой Гаральдовой других послов отправляли. А саму ее, княгиню нашу, знал. Умница, красавица. Мстислав в нее пошел — и нравом, и лицом.

— А я в кого?

— Ты? В батюшку.

Юрий дотронулся слева до шеи:

— И у батюшки тут родинка.

ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ (978 — 1054) — сын великого киевского князя Владимира Святого. Правил государством 35 лет. Престол ему достался после старшего брата Святополка. Со Святополка начались на Руси братоубийственные войны. Он ни с кем не желал делить власти, используя для этого все средства, порой самые коварные. Еще при жизни отца позвал в Киев брата Бориса: «Хочу с тобой жить в дружбе и любви, дать тебе земли, положенные по наследству».

Борис откликнулся на призыв брата и тут же был злодейски умерщвлен подосланными убийцами. Так же Святополк поступил и с другим своим братом — Глебом. Память о невинно убиенных братьях осталась для России священной. С того времени утвердился праздник Бориса и Глеба. Он отмечается 2 мая.

«Перебью всех братьев и буду один владеть Русскою землею!» — эти слова Святополка быстро дошли до третьего брата — Ярослава, который был княжеским наместником в Новгороде. Он собрал войско под свои стяги: «Нет убице прощения. Пусть Бог станет мстителем за их кровь».

Между Ярославом и Святополком началась долгая, изнурительная война. Святополк об-

ратился за помощью к польскому королю Болеславу I. В 1019 году на реке Альте враждебные полки сошлись в сече. Ярослав овладел Киевом.

Еще один брат Ярослава — Мстислав, правивший в далеком городе Тмутаракани, поднялся на Киев. Началась война. В 1024 году, не желая новых бедствий родной земле, Ярослав добровольно отдал Мстиславу земли, лежащие по левую сторону Днепра.

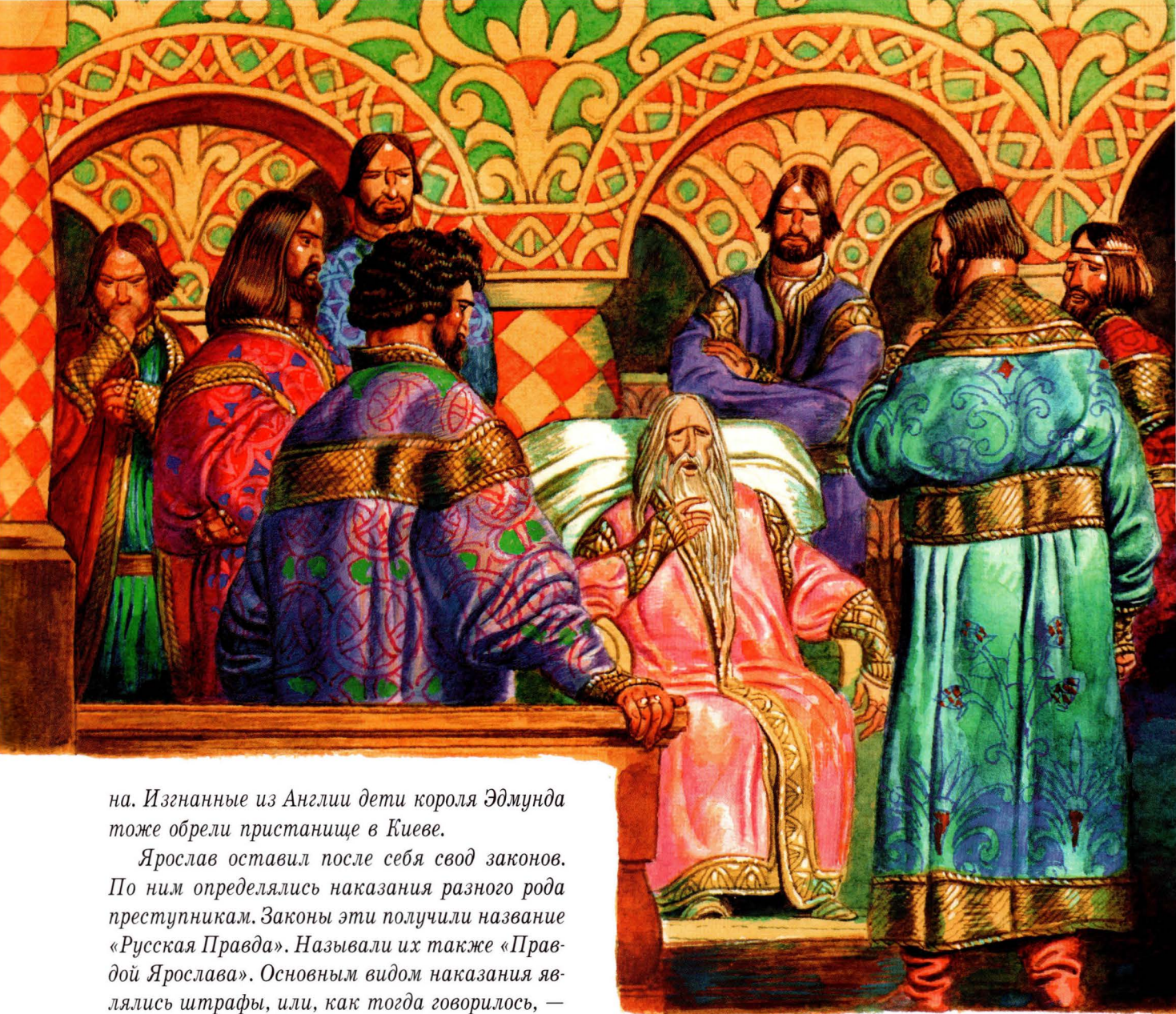
Наконец, как пишет летописец, «настала великая тишина в земле». Прадед Юрия Долгорукого после тяжелейших испытаний стал править Русью.

Ярослав много сделал для процветания Отечества, построил знаменитый Софийский собор, Золотые и Серебряные ворота в Киеве. При монастырях появились первые библиотеки, открылось народное училище. Желая установить дружеские отношения с различными государствами, Ярослав выдал дочь Елисавету за норвежского принца. Вторая дочь Анна сочеталась браком с французским королем Генрихом I. Анастасия стала королевой Венгрии.

Ярослав оказывал покровительство всем обиженным и обездоленным, в том числе и европейским монархам. При его дворе нашел прибежище король норвежский Олоф, лишенный тро-

Софийский собор в Киеве

на. Изгнанные из Англии дети короля Эдмунда тоже обрели пристанище в Киеве.

Ярослав оставил после себя свод законов. По ним определялись наказания разного рода преступникам. Законы эти получили название «Русская Правда». Называли их также «Правдой Ярослава». Основным видом наказания являлись штрафы, или, как тогда говорилось, — пени. Сначала деньги были такие: куны — они приравнивались к стоимости меха куницы; гривны — составляли цену двухсот граммов серебра. Была и более мягкая «деньга» — резань. Две резани стоили одну куну.

За продажу чужого имущества, если оно принадлежало не боярину, а простому человеку, — штраф девять кун. Вор, залезший в богатый дом, мог быть продан в рабство. Очень высоко ценились лошади. На чужого коня без спросу хозяина нельзя было сесть. А кто нарушил это правило, обязан был заплатить владельцу лошади целых три гривны. При Ярославе появились и самые первые русские монеты. Чеканились они из серебра.

Перед смертью Ярослав собрал всех своих сыновей и завещал им:

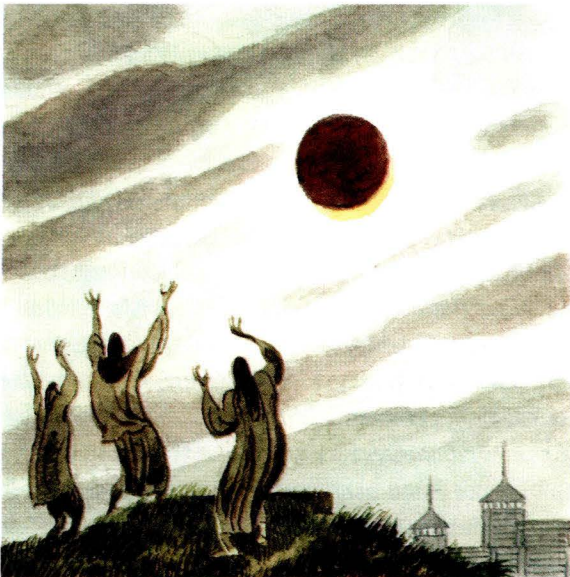
— Вот я ухожу с этого света, дети мои. Любите друг друга, потому что вы дети одного отца и матери. Если будете жить в любви друг с другом, то Бог будет среди вас, покорит вам всех врагов, и будете жить мирно. Если же станете ненавидеть друг друга, жить в распрях и ссорах, то погубите землю отцов и сами погибнете. Живите мирно, слушаясь брат брата».

Не все дети исполнили его мудрый завет. Но в истории великий князь киевский Ярослав по справедливости получил прозвание Мудрого.

ВСЕВОЛОД ЯРОСЛАВИЧ, дед Юрия Долгорукого, родился в 1030 году. Из семи сыновей Ярослава он был самым любимым, много читал, ежедневно посещал церковь. Его отличал мирный, спокойный нрав, но так сложилась его жизнь, что немало времени он провел в боевых походах.

Враждовали между собой русские князья: братья и племянники, внуки и отцы. Не могли поделить землю, рвались княжить в стольном городе Киеве. Всеволод не оставался в стороне. Объединившись с братом Святославом, начал войну с великим князем Изяславом, правившим

в Киеве. Упорной была эта борьба. Братьям удалось изгнать из Киева Изяслава. На престол воссел Святослав, затем, после его смерти, Всеволод.

Но Изяслав и не думал сдаваться. Призвав себе на помощь половцев, вновь завладел великокняжеским тронном. Всеволод вернулся княжить в Чернигов, но и тут жилось беспокойно. Против него пошел племянник Олег. Пришлось защищаться. На большом поле под названием Нежатины нивы рати столкнулись. Олег со своей разгромленной дружиной бежал в дальний город Тмутаракань.

Через некоторое время Всеволод вернулся в Киев, оставив в Чернигове сына — Владимира Мономаха. В вечных спорах за власть, в сечах жила Русь: брат шел на брата, сын на отца. Государство переживало время неслыханных бедствий: голод, мор, болезни. Вымирали целые села. На улицах Киева лежали тысячи мертвых.

Знахари и кудесники по расположению звезд и комет предсказывали жуткие напасти. Было землетрясение. Произошло затмение солнца. И по всей Русской земле распространился слух, что огромный змей упал с неба, на землю спустились злые духи, они калечат и убивают людей.

Волхвы-предсказатели обещали еще более страшные кары: что из-за войн Днепр потечет в обратную сторону, а все земли переместятся.

В такое время княжил в Киеве Всеволод. В последние годы, одряхлев, он вручил власть сыну, Владимиру Мономаху. И слушал только его, отдалив от себя всех бояр. Для своего времени Всеволод Ярославич являлся необыкновенным человеком. Мало кто из государей в Европе, не говоря о Руси, мог похвастаться, что знает пять языков.

Он умер 63 лет от роду в 1093 году. Его похоронили рядом с отцом в Софийском соборе. Юрию Долгорукому тогда исполнилось только три года. Отец часто рассказывал ему о деде, его отваге, уме, желании видеть Русь сильной и единой.

Увы, этого не удалось достигнуть ни самому Мономаху, ни Юрию Долгорукому.

ПОЙТЕ СЛАВУ ИМЕНИ ЕГО

Просторный княжеский двор в Чернигове со всеми теремами, домами-гридницами для дружинников, с пятиглавым Спасо-Преображенским собором назывался д е т и н ц е м. То была крепость, обнесенная белым камнем с четырьмя воротами во все стороны света; на воротах — вышки для дозора.

От детинца по окрестностям помаленьку разрастался город Чернигов, подобно тому, как крепнет и мужает ребенок. В детинце самые забавные — покои княжича Юрия. Деревянная вышка-голубятня близ крыльца. Качели, площадка для стрельбы из лука, бревно на подпорах, чтобы ходить по нему, не оскользнувшись.

Юрий любил забираться на голубятню, кормил птиц, особенно холил почтовых.

Палаты украшались клетками со скворцами и щеглами. Жил тут заморский попугай. Нос крючком, оперенье всех цветов, как у шута. В переходах под замками — пантера, лев, медведь. На дворе, в крытом загоне, — двугорбый верблюд.

Ежели и плюнет в кого, но только не в княжича. Позволял ему гладить морду с грустными и мудрыми глазами, как у Симоновича.

Симонович потешался:

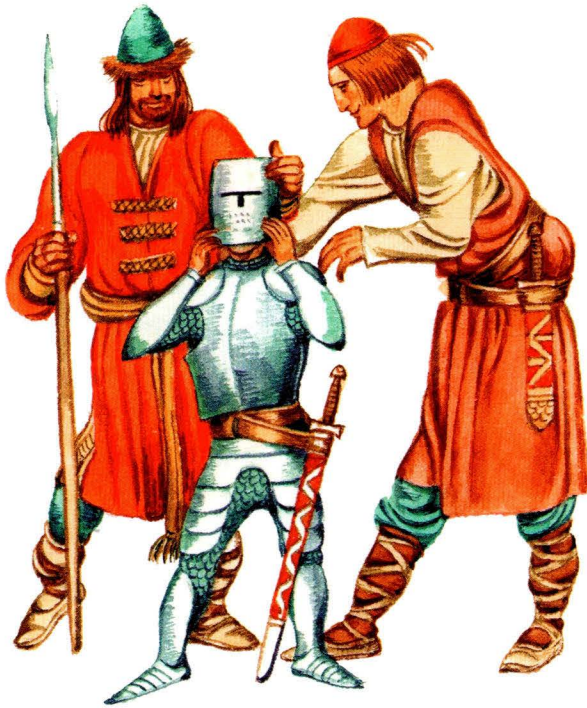
— Нажил два горба, не трудясь.

На эти несправедливые обвинения верблюд откликнулся, задумчиво пережевывая соломенную жвачку. Возможно, он тайне завидовал чистокровному скакуну-аргамаку, на котором юный княжич обучался верховой езде. У аргамака попоны дорогие, упряжь с серебряными колокольцами.

Ездить Юрия верхом обучил один из ближайших родичей — князь Василько. Он рядом с мальчиком становился смешливым, озорничал, сыпал прибаутками, брэнчал на гусях:

— Гусли-самогуды. Сами заводятся. Сами играют. За горы заносят, из-за горы выносят!

Василько княжил в одном неблизком городке, близ Карпатских гор, но оттуда часто наведывался в Чернигов. И впрямь гусли его оттуда выносили, легкого, счастливого, хотя приходилось

много бывать в походах, биться с половцами, с поляками.

В последний раз Василько приезжал, когда Мономах отдал во владение своему малолетнему сыну города Ростов и Суздаль, северные места, называемые Опольем и Залесьем. Они, как в сказке, за далекими долами, за безбрежными полями, за дремучими лесами.

Везти в ту далекую страну сына Мономаха не спешил. На княжеский стол Юрия возводили в черниговском Спасо-Преображенском соборе. Много гостей съехалось на торжество. Явился с немногочисленной дружиной и Василько. Свежий шрам пересекал щеку. Белый конь под ним грыз удила. Князя Василька, вернувшегося из очередной битвы, встречали музыкой, дробным маршем барабанов и литавр.

Василько расцеловал Юрия, поднес ему латы и железную маску с прорезьями для глаз.

— Сии доспехи мои люди ковали по твоему росту.

— А у меня и шлем уже есть, — расцвел мальчик. И покрыл им голову.

Слуги-тиуны облачили его в доспехи. Накинули на плечи красный шелковый плат.

В соборе Юрий восседал на высоком троне с подлокотниками; ножки трона изображали львиные лапы. Со всех сторон на него глядели лики святых угодников; над головой сиял образ Христа Спасителя. Выше помоста пламенели красные стяги. На одном из знамен — юноша на белом коне.

Собор огласился голосами певчих:

Пойте славу имени Его!

Воздайте хвалу имени Его!

Митрополит, глава церкви, окропил родовитого отрока святой влагой. Мономах подал ему знак княжеской власти — бунчук, длинный шест с конским хвостом. Хвост был окрашен в червец — красную

краску. К подножию трона поставили щит с гербом. На одной стороне красовался леопард на задних лапах, на другой — два полукружия.

Ликование продолжалось на Соборной площади. Бродячие музыканты хороводились вокруг юного князя:

— Мы будем петь, плясать, веселиться,
А за это счастье станет на меня валиться.

Тиуны жаловали гостей чарами с вином. Вынесли на двор ученого попугая. Он пророкотал под смех присутствующих:

— Поедем с Юр-р-рием в гр-р-рад
Р-р-остов.

Имя города Суздаля попугаю не давалось. Но зато попугай объяснил публике:

— Попка не дур-р-р-ак.

Верблюд, ведомый погонщиком по кругу, шествовал с великокняжеским величием. На доске, поперек горбов, балансировал жонглер, кидая вверх горящие кольца. При этом не выпускал изо рта планку со свечами.

Василько потребовал лук и колчан. Тетива бесшумно выбросила стрелу, и та сбила язычок со свечи. Другая стрела погасила вторую свечу. Обезьяны кувыркались на натянутых веревках. Скомороший медведь плясал под бубны.

Стремянные подвели Юрию аргамака. Вместе с отцом он выехал из ворот детинца в город. Черниговцы восторженно приветствовали Мономаха и его сына. Такой был славный день. А к вечеру гонцы сообщили: на границах княжества зашевелились половцы. Грабят села, уводят в плен крестьянские семьи.

Дни веселья сменились ожиданием. В углу палаты юного князя стояло уже не игрушечное, а настоящее копье. Дружинники охраняли знак его власти — бунчук. При входе повесили щит с двумя полукружиями. Симонович объяснит потом, что сии полукружия со смыслом.

— Объясни, — потребовал Юрий.

— Думаю так: подрастешь — соединишь эти линии в единый круг.

— А как это?

— А сам догадайся. Ты теперь не княжич. Князь!

Пройдет много лет до того дня, когда сын Мономаха поймет, что стоит за словами Симоновича.

ВАСИЛЬКО РОСТИСЛАВИЧ, князь теревольский. Его небольшое княжество находилось в Карпатах.

Княжество Василька граничило с Польшей, и ему часто приходилось воевать с поляками. На Любечском собрании князей в 1097 году поддерживает призыв Владимира Мономаха прекратить братоубийственные войны между князьями. Но тотчас после этого съезда брат Василька, Давыд Игоревич, устраивает против него заговор и лишает его зрения.

Узнав об ослеплении Василька, князь Владимир Мономах, как пишет летописец, «ужаснулся и восплакал». Известно, что родственники предложили Васильку в конце жизни взять его на попечение, или, как сказано в летописи, «кормить». Дальнейшая судьба Василька неизвестна.

КЛИЧ МОНОМАХА

Век одиннадцатый, как столетний старик, передавал свое наследство веку двенадцатому. Русь, разделенная на множество княжеств, не знала покоя. Между князьями, хотя все они принадлежали к роду Рюриковичей, не было согласия и мира. Веточки одного дерева, они не могли поделить города и села — спорили, кому быть старшим и величаться титулом великого князя в стольном Киве.

Дружина шла на дружину. Братья, внуки, сыновья, племянники враждовали, как чужеземцы. То одному, то другому мнилось, что его обделили правами. «Реки краснели от крови», — так в уединении монастырей горевали монахи-летописцы.

Кочевые племена — самые воинственные из них половцы, — пользуясь несогласием князей, разоряли русские земли, брали людей в рабство, уничтожали посеvy, угоняли скот.

Объединиться бы против «поганых» — так называли кочевых разбойников! Но князья между собой никак не могли поладить, не то чтобы встать под единые стяги. Лишь Владимир Мономах с братом Ростиславом сплотили полки и выставили против степных ханов. Одна из памятных битв произошла на реке Стугне, притоке Днепра.

Ах, тот день 25 мая 1093 года!

Занимался рассвет. Засвистели степные байбаки и суслики, первые вестники раннего утра. Святые отцы в походных шатрах отслужили молебен в честь Иоанна Крестителя.

Но в тот день была сеча. В ход пошли топоры, мечи, копья. Половецкая конница ворвалась в стан правого крыла, которым командовал великий князь Святополк. Киевляне не выдержали напора.

— Смерть русичам! — с этими словами хан Тугоркан бросился в самое пекло сражения.

Половецкие повозки закрыли путь к отступлению. Святополку, однако, удалось прорваться сквозь цепи врагов. «Поганые» обратили все свои силы против дружины Мономаха, отеснив ее к крутому откосу берега. Мономах сражался храбро. Но рати «поганых» оказались многочисленнее. Во время несчастной переправы через Стугну утонул брат Ростислав. Мономах бросился в воду, чтобы спасти его, и едва не погиб сам.

Таких горестных дней Мономах давно не испытывал. Побелела борода. Шлем был пробит в нескольких местах. В детинец его внесли на носилках — от слабости и потери крови он не мог ходить.

Долгое время Мономах не появлялся в народе, предаваясь печали. Но именно в те дни при свечах и зашторенных ок-

нах он начал писать свою единственную и главную книгу — «ПОУЧЕНИЕ». Книгу для сыновей и внуков; более всего перед очами князя витал образ малолетнего Юрия. «Зачем печалишься, душа моя? — писал Мономах. — Попрали меня враги мои, но уповаю на Бога, ибо верю в него...»

Он молился перед божницей:

— Господи, просвети очи мои. Умножь мои годы, чтобы впредь я исправил грехи свои.

Мономах вспоминал, как с тринадцати лет начал ходить в походы — насчитал их около шестидесяти. Как старался быть милостивым к людям, помогал сиротам и обездоленным.

Юрий тогда делал только первые шаги. И ему адресовал свой завет князь Мономах. «О дети мои! Хвалите Бога! Любите также человечество. Не пост, не уединение, не монашество спасет вас, но бла-

годения. Ни правого, ни левого не убивай и не повелевай убить его. Не губи души своей, не имей гордости в сердце и уме...»

Лист за листом исписывал он хорошо очиненным лебяжьим пером: «Помогайте обижаемому, сиротам, оправдайте вдову. Очистим себя от всякой крови душевной и телесной...»

Только малолетнему княжичу Юрию позволялось нарушать покой Мономаха. Он взбирался батюшке на колени, веселясь рассказами о своих играх.

Шли годы. На Чернигов обрушилось еще одно бедствие. Из дальней Тмутаракани, что на берегу Черного моря, к стенам детинца пришел двоюродный брат Мономаха — Олег. По батюшке Святославич.

Олег полагал, что Чернигов должен принадлежать ему, по отцовскому завещанию. В народе его звали Гориславичем.

Много горя сам претерпел, еще больше горя принес родичам. В подмогу Гориславич взял несколько отрядов половцев, а те не щадили никого.

В слепой ярости Гориславич сжигал окрестности, рушил церкви, врвался в монастыри. В детинце кончались продукты, не хватало воды. Мономах пытался образумить брата, направив к нему послание: «Кто говорит, что любит Бога, а не брата, тот лжет. Не тем путем шли наши отцы и деды. Не от одной беды говорю я это, а от души, которая дороже всего».

— Уйди из Чернигова, тогда приму твой мир, — отвечал Гориславич.

Больше всего при осаде страдают мирные жители, неповинные в том, что князь воюет. И Мономах страдал, видя лишения стариков и детей.

Он уступил Гориславичу Чернигов, доказав еще раз верность тому, о чем писал в «Поучении»: не убивать ни правого, ни левого, если это не касалось «поганых».

Вскоре вместе с семьей и верной дружиной он переедет в город Переяславль, другую свою вотчину.

До какого же предела надо дойти, чтобы губить друг друга? Не следует ли вспомнить, что Отечество едино?

И Мономах написал воззвание родичам:

«Давайте соберемся, помиримся, пожмем руки».

Во все концы Руси помчались Мономаховы гонцы со словами о мире — вложить сабли в ножны, притупить мечи, не держать зла друг на друга. Вот он сам, Владимир Мономах, смирился перед Гориславичем. Не столько силе уступил — нет! Человеколюбию!

Слово Мономаха было услышано. В небольшой городок возле Киева, Любеч, он возьмет Юрия.

— Едем, сын, мириться.

ВЛАДИМИР ВСЕВОЛОДОВИЧ, отец Юрия Долгорукого, вошел в историю под именем Мономаха. Родился в 1053 году. Одни считают, что имя ему досталось от деда со стороны матери, которая была дочерью византийского императора Константина Мономаха. Но есть и другое объяснение: во время одного восточного

*Замок Владимира Мономаха в Любече.
(Реконструкция Б. А. Рыбакова)*

похода Владимир Всеволодович участвовал в поединке с генуэзским князем. Он оказался победителем в этом единоборстве, а по-гречески единорог звучит как Мономах.

Как и отцу, ему довелось долго воевать с половцами, берендеями, печенегами, торками — племенами, которые не давали покоя Киевской Руси. В двух битвах, на реке Стугне и при местечке Желани, терпел поражение от «поганных» — так Мономах называл лесных и степных разбойников. Одерживал и победы над ними.

В «Поучении» он расскажет о множестве своих походов: в Польшу, в чешские леса, в южные степи. Словом, это был настоящий воин, не боявшийся опасностей, выступавший против самых различных притеснителей и врагов государства.

Оттеснил Мономах от границ Киевской Руси и печенегов, и торков, и берендеев. Ему удалось гораздо больше, чем деду и отцу.

Как никто другой, Мономах мечтал о единении русских князей. Он сумел созвать многих из них в городок Любеч, и там князья поклялись на кресте прекратить междоусобные войны, оберегать Отечество. Не вина Владимира Всеволодовича, что они не сдержали слова.

Казалось, после смерти отца он должен княжить в Киеве. Того хотел и народ. Однако, не желая кровопролития, он отдал престол двоюродному брату Святополку Изяславичу. Его решение поразило всех родственников, мечтающих любой ценой владеть Русью. Даже после смерти Святополка он не хотел принимать на себя бремя властителя. Но в конце концов согласился.

Народ с великим почтением относился к великому князю Киевскому. Он построил в городе много домов, церквей, первый мост через Днепр. В далеком Залесье, рядом с Суздалем, на берегу Клязьмы, основал город Владимир.

«Чудный князь» — так называет его летописец. Он умер в 1125 году, прожив семьдесят два года. Корона, или венец русских государей, впоследствии стала называться шапкой Мономаха.

А Юрий Долгорукий в самые трудные свои годы никогда не расставался с «Поучением» батюшки, помнил заповеданное родителем: «Не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле...»

КОВАРСТВО КНЯЗЯ ДАВИДА

Был шестнадцатый день октября-зимника 1097 года. День целителя глазных болезней святого Сотника. Во всех храмах назначалась молитва о прозрении слепых.

В часовне на берегу неширокой речки, притока Днепра, русские князья молились святому Сотнику, раздавали милостыню убогим.

В просторном голубом шатре сидели на мягком ковре, вытканном специально для такого торжества, братья, близкие родственники. Невозможно было представить, что недавно шли друг к другу не с улыбками и рукопожатиями, а с мечом и копьями.

Они забыли взаимные обиды. Передавали друг другу кубок с вином, так называемую «поведенную чашу». Договаривались оберегать Ростов и Суздаль от грозного Булгарского царства, разместившегося на берегах Волги и Камы, и почитать славный город Ярославль, построенный

общим предком — князем Ярославом Мудрым.

Юрий сидел между двумя братьями — князьями Васильком и Давыдом Игоревичем, широкоплечим мужем с узкими глазами, окладистой бородой. Мальчику он не понравился громким голосом, хитровой улыбкой. Князь Давыд Игоревич, хрустко грызя яблоки, утирая ладонью мокрый рот,пил хмельную медовуху:

— Не поморив пчел, меду не есть, медовухи не пить.

Вчерашний неприятель Мономаха, князь Гориславич острым ножом резал арбуз, поднес Юрию ломоть. А давно ли

у Чернигова топил в Десне пленных, рубил им головы вот так же легко и весело, как полосовал арбуз? Алая мякоть сочилась...

— Пить тебе рано, налегай на сладости, — хохотал Давыд.

Василько обнял мальчика:

— А давно не виделись. С год, пожалуй. Как раз в эту пору был у вас, на Сотника. Вижу, вырос ты. Не отрок — юноша.

— Василько, твои доспехи мне теперь малы. Батюшка новые сковал.

— Сколько ты их еще перемеришь!

— Кузнецов у нас хватает. Скуют, небось.

Глаза Василька сияли удалью, молодечеством. Пожалуй, после Мономаха он больше всех радовался наступившему дружеству князей. Спросил, когда Юрий поедет в свои владения на востоке — в Ополье и Залесье?

— Как на ладьи колеса поставим, чтобы посуху их не тащить. Речек-то ой сколько на пути.

— Вон чего ты уже знаешь, — улыбнулся Василько. — И про волоки, и про колесные ладьи. погоди, я к тебе тоже соберусь в Суздаль.

— Приму!

Мономах испил из чаши.

— Братья, — сказал он. — Радуюсь, что сидим вместе, все дурные мысли выбросили из головы. Забудем вражду. Половцам того и надобно, чтобы мы кровь свою проливали. Довольно! Не нам ли, Рюриковичам, хранить и беречь Русь? Она — наша Отчизна. Единственная, а другой не желаем.

— Так! — возгласили князья.

А громче всех крикнул Давыд Игоревич:

— Так! Так! Так!

Чаша совершала пятый круг.

На дворе братались бойцы из разных княжеских дружин.

Князья договорились больше не покушаться друг на друга. Подобного братания давно не знала Русь. Внесли крест. Все целовали его, клялись в верности, дружбе.

Вот каким славным, светлым, долго ожидаемым был день святого целителя Сотника. Казалось, теперь вечный мир воцарится в Отечестве. Увы! Не успели князья далеко отъехать от Любеча, еще не выветрился праздничный хмель, а князь Давыд Игоревич, который громче всех звал к согласию и не подпускать огонька в общий дом, замыслил недоброе дело.

— Знаю одну тайну, — нашептал Давыд Игоревич великому князю киевскому.

— Что за тайна? Говори как на духу.

— Не верь Васильку. Он готовит против тебя заговор, возмечтав сесть на киевский престол. Собирает тихонько полки, зовет к себе на подмогу половцев.

Пока не поздно, надо опередить злодея. А иначе — несдобровать.

— Быть того не может! Ведь только что клялись на кресте.

— Верные люди сказали. Вели их спросить, если мне не веришь.

Привели двух подговоренных людей. Те клялись и божились, что Васильку — недруг, хочет завладеть Русью силой.

В те времена говорили: клятвенники на том свете лижут языками раскаленные сковороды. Да, видно, подкупленным обещанное серебро было дороже всего.

— Догнать князя Васильку! — повелел великий князь. — Пусть идет ко мне в Киев.

А сам собрал бояр и воевод, рассказал об услышанном.

— Решайте, как быть со злоумышленником?

— Господине, — сказали бояре. — Тебе

надо беречь голову. А клятвоотступника наказать, дабы не было повадно другим.

Не ведая об опасности, Василько приехал в Киев и тут же был обезоружен ратниками. Суд был скорым, как и всякий суд, когда участь обвиняемого решена. Жизнь Васильку сохранили. Его заточили в «темницу», из которой уже нет выхода: острым ножом Васильку вырезали глаза...

Слух о таком злодеянии широко разнесся. Что могло быть ужаснее, когда после молитв целителю незрячих святому Сотнику ослепили молодого князя?

Наверно, это было самое сильное переживание малолетнего суздальского князя Юрия. Так он не плакал даже тогда, когда пришлось покинуть детинец в Чернигове. Василько! Такой веселый, открытый, добрый! За что такое коварство? Как после этого верить людям и чего стоит клятва, когда ради корысти брат лишает брата зрения?

В те дни окончилось детство Юрия. Он вступил в юность, не обещающую мира и доброты. Такое это было время. Достанет ли у него сил, чтобы исцелить Русскую землю?

ДАВЫД СВЯТОСЛАВИЧ, князь черниговский и смоленский.

Несмотря на коварство по отношению к Васильку, ему нельзя отказать в мужестве. Известно, что в 1101 году он храбро воевал с поляками. В 1103, 1107, 1110, 1111-м ходил в походы против половцев. Умер в 1123 году.

БИТВА У СТЕН ШАРУКАНИ

Юрию восемнадцать лет, это зрелая пора жизни. Рядом с ним неотлучно Симонович. Окрепла, возмужала дружина отроков, с которыми когда-то Юрий забавлялся детскими играми. Из малого селения Суздаль превратился в хорошо укрепленный город. Возводятся новые храмы, монастыри, строения. Отовсюду приглашаются умелые ремесленники.

Батюшке, Владимиру Мономаху, нужна помощь. По-прежнему он пытается образумить половцев. Но набеги не прекращаются. В половецкое ханство Дешт-и-Кыпчак направляются послы. Они предлагают хану Аепе мир. Но тот дерзок и непримирим.

— Что русичей бояться? Пусть сначала подружатся между собой. А к нам явятся — ничего не найдут, кроме гибели.

Хан Аепа себя чувствовал могущественным. А послов Мономаха взял в плен.

И уже в который раз Мономах собирает полки, чтобы с берегов Днепра двинуться на Дон, где расположились глав-

ные половецкие селения, к их самому большому городу Шарукань. К отцу со своей дружиной примкнул Юрий...

Заволокло небо. Первый снег забелил степи. Юрий ехал впереди дружины на белом коне. Полки растянулись на добрую версту. В походе участвовал и Симонович, не оставляющий молодого князя ни в горе, ни в радости.

— Не боюсь половецких стрел, — говорил он. — Мне волхвы предсказали жить до ста лет.

Посреди заснеженной степи высились могильники древних скифов — курганы с огромными каменными изваяниями. Столетия не сгладили лиц, выточенных острыми резцами. У некоторых сохранились глаза, губы, руки, положенные на колени из белого туфа. Казалось, пустыни своими глазницами они наблюдают еще за одним воинством, прислушиваясь к говору ратников.

21 марта полки придвинулись к стенам Шарукани на берегу Дона. Река оделась льдом. Последние версты преодолевали на санях и лыжах.

Мономах и Юрий поставили воинов в несколько рядов, окольцевав ханскую ставку — столицу Шарукань. В ту пору княжеские дружины носили кованые брони, окрашенные в алый цвет. Сверху накидывали плащи в виде чехлов. Белые чехлы хорошо маскировали войско.

Началась осада. Половцы осыпали русских тучей стрел. На передний край Мономах выдвинул стенобитные и метательные орудия, доставленные с некоторым опозданием. О таком грозном оружии «поганые» и думать не могли. Привезти такие тяжелые орудия на сотни верст?

Обстрел начался спозаранку. Каменные ядра пробили бреши в стенах. Последовал сигнал к атаке. Вперед бросились пешие воины. Завязались уличные бои. Половцы укрывались в подземных ходах, в укрепленных мазанках...

Юрий бежал с копьем впереди своих суздальцев. Стрелы не брали его кольчугу. Шлем с маской-личиной и прорезями для глаз надежно защищал голову.

Шаг за шагом русские приближались к ханскому дворцу. Бой продолжался более часа. Стылали раненые. Раздавались стенания женщин. Плакали дети, свистели отравленные стрелы половцев. А стенобитные орудия продолжали крушить город. Русские воины в красной броне ошеломили половцев. Слово красная песчаная буря смертоносно обрушилась на их жилища. Многим удалось бежать за Дон.

С десятком дружинников Юрий взбежал по ступеням ханского дворца. Палаты его, украшенные золотыми и серебряными сосудами, фигурками половецких божков, оказались безлюдными. В одном из затемненных покоев Юрий увидел на-

смерть перепуганную молодую девушку с раскосыми глазами и множеством тонко переплетенных косичек. Смотрела она злобно, выставив вперед руки с нанизанными на пальцы перстнями.

— Ты кто?

— Я дочь хана. Мой отец Аепа.

И столько было ненависти в ее глазах, что один из дружинников загордил князя.

— Так ли я страшен? — Юрий скинул шлем. — Смотри, я бросаю меч к твоим ногам. Собирай все, что хочешь, — мои люди проводят тебя.

В тот день русские захватили немало половцев, увели из ханства табуны лошадей, стада коров, овец. К Мономаху привели хана Аепу. Кыпчакский правитель пал к его ногам, умоляя отпустить единственную дочь.

— Не губи Амину, господин. Ты сын Даж-бога, прояви милость.

Мономах рассмеялся:

— Даж-бог, бог ветра, давно нами сброшен в Днепр. Ныне иные времена. А против воли сына не пойду. Тебе же, Аепа,

скажу так: побежденный — не мсти. Ненавидимый — люби. Так искупишь свои грехи. Так велит Христос Спаситель.

Молва о победе русичей под Шаруканью дошла до Рима и Константинополя. На обратном пути Юрий в одном из городков посетил князя Василька. Печальной была эта встреча. Пустые глазницы Василька были повязаны черной лентой. Он давно отошел от дел, помещенный в свою вечную темницу. По его щекам катились слезы.

Ослепившего Василька князя Давыда Игоревича давно не было в живых. Но Василько не проклинал брата.

— Что такое мы, люди грешные? Сегодня живы, а завтра мертвы. Сегодня в славе и чести, а завтра в гробу и забыты. Я не помню зла. Будь, Юрий, и ты таким.

Больше они никогда не увидятся. Но слова, произнесенные слепцом, надолго запомнятся молодому суздальскому князю. А ханскую дочь Амину он увез в Суздаль.

СУЗДАЛЬЦЫ — ДОБРЫ МОЛОДЦЫ

Ростово-Суздальская земля, Ополье и Залесье, давно ждала своего князя. На границах княжества неспокойно. Недруги-соседи чинили разбои, мешали торговле. Всяк тянул к Суздалью загибающие руки. Чужое добро слаще и прибыльнее.

Ополье и Залесье привлекали плодородными землями, лесами, богатыми дичью и зверьем, чудными городами.

На севере княжество простиралось до процветающего города Белоозеро. Южные границы касались верховьев Дона; западные — соседствовали с новгородскими владениями. Восточные рубежи примыкали к могущественному Булгарскому царству.

Через Суздальское княжество проходили торговые пути — от Каспия к Балтийскому морю, от Урала — к Смоленску и Польше. Из Рязани через суздальские земли и реки поступал хлеб в Новгород.

Со всех сторон завистники наблюдали, как богатеет и укрепляется Суздальское княжество. Самым опасным оказалось Булгарское царство. Булгары чинили препятствия купеческим караванам, что шли по Волге, нападали на мирные села.

Образумить воинственных булгар!

Закрепиться на Волге! Юрий понимал, что этот противник куда более сильный, чем кочевые племена, но на том и стояла всегда Русская земля, чтобы не давать себя в обиду. Юрий недаром обучался воинскому искусству у отца. Он знал, где и как размещать боевые порядки, куда поставить засадный полк, расположить метательные орудия.

Мономах, ставший к тому времени великим князем киевским, поучал сына в письмах: «На войне не предавайся ни питью, ни обильной еде. Вставай рано, сам проверяя заставы, оружия с себя не снимай. Остерегайся лжи. Гони лжецов от себя, они первыми предадут. Где бы ни проходил, не позволяй войску причинять вред людям, чтобы они не стали вас проклинать...»

Полки суздальцев подошли к местам, где река Кама впадает в Волгу. Навстречу понеслась булгарская конница. На под-

могу себе болгары взяли половцев, которые давно хотели свести счеты с суздальским князем.

В ночной тьме половцы зажгли пакли. Сотни огней осветили равнину. Отовсюду летели стрелы с кремниевыми жалами-наконечниками. Тахтуи — так назывались эти стрелы, намазанные ядом. Русские стрелы — северги, срезни — тоже поражали, но они не были отравленными, оттого среди суздальских ратников насчитывалось больше убитых.

Одним из русских полков руководил Симонович, назначенный тысяцким; ровно тысяча воинов сражалась под его водительством.

Он первым принял на себя удар неприятеля. Бились врукопашную, топоры, палицы, копья — все смешалось в этой кровавой схватке, отдавшей жадному воронью сотни убитых и раненых русских бойцов.

Полк Симоновича отступил. Булгарские военачальники намечали дороги, по которым пойдут в Суздаль, чтобы превратить его в развалины, а Ополе присоединить к своему царству. Но плохо же они знали Мономахова сына. Неожиданно из ближайшего бора ударили метательные орудия. Град тяжелых камней сравнял с землей вражеские шатры, повозки, укрепления. Камни пускались прочными, хорошо сплетенными тетивами, наподобие тех, которые стрелы пускают из лука. Орудия и назывались пускачами, самострелами, а те, что покрупнее, — тюфаками.

В стане болгар началась паника. Неприятель бежал к реке. Но еще раньше засадный полк высадился на берег. Подобной хитрости болгары не ждали. Береговые их дозоры были уничтожены, их лодки и лады сожжены. Они бросались в воду, чтобы добраться до противоположного берега. Засадный полк добивал половцев. Повозкам их не удалось уйти от русской конницы. Свистящие стрелы — северги и срезни — неслись

вслед, лошади затаптывали степных разбойников.

Так Юрий одержал победу на Волге, поставил здесь новые заставы, обороняющие княжество. Селяне, купцы, мастеровые, священнослужители встречали с ликованием возвратившиеся полки.

Из восточных ворот города вместе с детьми вышла жена Юрия княгиня Амина. Уже десять лет, как они были вместе. Ровно столько, сколько победе русичей у стен кыпчакской столицы Шарукани.

Пленная дочь хана, гордая половчан-

ка, дикарка, выросшая в семье кочевников, не сразу привыкла к славянским обычаям, к напевному говору суздальцев. Русичи, казавшиеся с детства злейшими врагами, предстали перед ней вовсе не такими, как говорил отец. К Амине отнеслись дружески, одаряли ожерельями, драгоценностями, мехами. И, наконец, венчальное кольцо соединило ее и Юрия, бросившего к ее ногам булатный меч. Амина крестилась. Церковная жизнь покорила ее пышными обрядами, учением, где молитвы возносились во имя Веры, Надежды, Любви.

...Юрий обнял жену, взял на руки пятилетнего Василия, семилетнего Глеба и десятилетнего Андрея. Андрей просил, чтобы его посадили в седло отцовского коня. В свои годы он был замечательным всадником. Ему дали копьё, щит. Так они и вошли в свой детинец.

В соборе отслужили молебен. Хор певчих славил князя и его доблестную дружину. По всей Руси пошла молва: суздальцы — добры молодцы.

АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ БОГОЛЮБСКИЙ (1110 — 1174) — единственный из одиннадцати сыновей Юрия Долгорукого, кто был причислен церковью к лику святых. Так православное духовенство оценило его подвиги во имя объединения русских земель вокруг Суздальского княжества, воздало за строительство новых церквей, набожность и верность заветам отца.

Андрей Юрьевич родился в 1110 году. Хотя, как пишет летописец, «он был не величав и не годился для ратных дел по свойствам характера», Андрей Боголюбский участвовал в походах отца, помогал ему в борьбе с киевским князем Изяславом, племянником Юрия Долгорукого.

В 1146 году, когда Долгорукому шел шестой десяток, он по праву старшинства в роде Мономахов должен был занять в Киеве великокняжеский престол. Но Изяслав, не гнушаясь убийством и разорением близких родичей, воссел на престоле в Киеве. С этим Юрий Долгорукий не захотел смириться. Он решил сместить племянника. В первом же бою победил Изяслава и овладел Киевом. Свергнутый князь с помощью половецких ханов вновь занял столицу. Несколько раз Киев переходил из рук в руки.

Андрей Юрьевич вместе с братом Ростиславом помогали отцу в этой нелегкой и кровопролитной борьбе. Он жил в небольшом городке Вышгороде, в

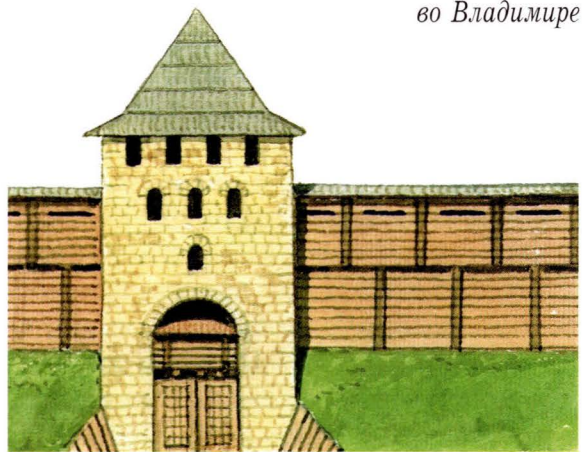
семи километрах от Киева. Изяслав, убедившись, что Долгорукий сильнее его, послал к Андрею послов. Изяслав умолял Андрея, во имя любви к отцу, помирить его с Долгоруким. Но тот отказался простить Изяславу его бесславные деяния.

Война вновь разгорелась. В конце концов Долгорукий окончательно утвердился в столице, но Андрея звала Суздальская земля, которая вскормила его. Он покинул Вышгород, взяв оттуда одну лишь высокочтимую икону Божьей Матери, святыню, которой поклонялись все русские люди. Люди рассказывали, что эту икону писал ближайший ученик Христа — Лука.

Перед Владимиром-на-Клязьме конь Андрея неожиданно остановился. Князь увидел в этом знамение Господа Бога, и на том самом месте заложил село, назвав его Боголюбовом. Так и за Андреем навсегда закрепилось прозвище — Боголюбский.

Здесь он и жил, хотя столицу княжества перенес из Суздаля во Владимир. Постепенно этот город забрал все права у Киева, Владимир становился, как пишут летописцы, «столицей Отечества», а Андрея уже повсюду величали «первым» великим князем Руси. К нему со всех сторон на поклонение приезжали князья со своими дружинами, признавая его власть и добродетели. Своей властью Андрей Боголюбский ни с кем не делился. Он отстранил от себя бояр, которые когда-то окружали его батюшку. Волю его исполняли совершенно новые люди.

Золотые ворота
во Владимире

ЮРИЙ, ВСТАВАЙ РАНО

Будучи очень набожным человеком, Боголюбский построил на Суздальской земле много храмов и монастырей. Заложённая им во Владимире церковь Успения Божьей Матери и спустя несколько столетий не имела себе равных по красоте, богатству и величю. Во Владимире же, в подражание Киеву, Андрей Боголюбский построил Золотые и Серебряные ворота.

Но, как это случалось раньше, соседние страны попытались ослабить могущество Суздальского княжества. Опять стали беспокоить камские болгары. Спустя почти тридцать лет после поражения от Юрия Долгорукого болгары вновь обнажили мечи. В 1164 году Андрей дал им отпор, взял главный их город Бряхимов и дотла разорил еще три болгарских города.

Во время его княжения русские полки ходили и в другие походы. Пришлось, например, усмирять Новгород, помогать родственникам в непрерывающейся борьбе за Киев после смерти Юрия Долгорукого.

Андрей Боголюбский прожил 64 года. Гордый, самовластный, не признающий бояр, он имел много врагов. И вот воеводы, бояре, недовольные его строгостью, составили заговор против своего князя. Двадцать именитых людей ворвались в боголюбовские покои Андрея Юрьевича и напали на него. Андрей отчаянно отбивался от заговорщиков.

Единственный человек, который встал на его защиту, оказался верный слуга князя Проконий. Но и он был убит. Заговорщики жестоко мстили всем близким людям Андрея Боголюбского. Грабили дома, разоряли казну, рубили головы мастерам, которые строили храм во имя Успения Божьей Матери.

Дело дошло до того, что, когда слуга, завернув тело мертвого князя в плащ, принес его в церковь для отпевания, пьяные заговорщики не открыли двери храма. Два дня хладный труп Андрея пролежал на паперти.

Лишь спустя шесть суток жители Владимира забрали тело князя и похоронили в церкви Богородицы. Никогда, напишет летописец, не случалось на Руси столь бесстыдного и жестокого поступка по отношению к человеку, который так много доброго сделал для Руси.

Не только походами славилось княжение Юрия. Суздаль умел веселиться. Особо отмечался двадцать третий день месяца апреля-березола. День ангела князя — святого Георгия Победоносца.

Некоторые сыновья князя разлетелись из домашнего гнезда, правили в других городах и уделах. Один из старших — Ростислав — не желал расставаться с отцом. Он опекал младших — Бориса, Василия, Глеба, Андрея. А всего у Юрия к концу жизни будет одиннадцать сыновей.

Ростислав вместе с Симоновичем обучал княжат верховой езде, играм. В день ангела он рано будил братишек. Мальчики запасались ветками вербы, бежали к покоям Юрия. У постели затевали песню:

*Юрий, вставай рано,
Отмыкай землю,
Выпускай росу
На целое лето,
На буйное жито,
Людям на здоровье.*

Обмахивали батюшку охапками вербных пахучих веточек:

*Святой Юрий, Божий посл,
До Бога пошел,
Взяв ключи
Зо-ло-о-оты-ы-е!*

И Ростислав подносил отцу ключ от только что построенной церкви в честь святого Георгия.

— Слово, слово, слово! — требовали княжата. — Как повелось, так и говори.

— Будь по-вашему! — Юрий таинственно сказывал вещие слова. — По Божьему велению, по Егорьеву хотению, во всей земле Святорусской разрастаются леса темные, рассыпаются горы высокие, текут реки глубокие, заселяются звери могучие. Они пьют, едят повеленное, от Егорья храброго заповеданное.

И весь этот день, от утренней зорь-

ки до зари вечерней, запоминался не-утихающими колоколами, трелью дудочек, гудением рожков, звонкими переборами гуслей. Крестьяне выводили скот на поля, спеша обрызгать коров, овец, свиней утренней росой, такой в этот день благословенной и целительной. Возносили молитвы святому Георгию Победоносцу, покровителю скотоводов и хлебопашцев.

В тот день не было дома, где бы из глины и теста не лепились фигурки домашних животных.

В детских покоях княжеского детинца — что ни княжонок, то ваятель. Хитрая это работа, чтобы в кусок глины вдохнуть жизнь, как некогда это сделал сам Господь, создавший человека.

Конечно, со старшим Ростиславом никак не поспорить. Такого всадника на белом коне сотворил! Руки у всадника в красном золоте, ноги по колена в серебре, а во лбу — солнце. Но и у младшего Глеба неплоха насадка. Насыпал перед

нею пшена — вот-вот затюкает клювом по дощечке. Борис изваял усатого кота, напоминающего барбоса. Ничего, и такой сойдет. Андрей и Василий наплодили из теста коровье стадо с рогатым быком.

Перепачканные глиной, мукой, тестом, княжата носятся вокруг стола, мыча, мяукая, хрюкая, кудахча. И старший Ростислав поддается веселью. Ого-го, как умеет ржать его белый конь! Игрушки из теста запекаются в печи и тут же со смехом и гомоном поедаются. Глиняные игрушки подносились батюшке.

Пройдет много времени. Самый поздний ребенок Юрия, Всеволод, станет отцом многочисленного семейства. Его назовут поэтому Всеволодом Большое Гнездо. И он, как и его братья, научит своих детей и внуков давней, такой чудной детской песенке:

*Юрий, вставай рано,
Отмыкай землю,
Выпускай росу.*

ВСЕВОЛОД ЮРЬЕВИЧ (1154 — 1212) — младший сын Юрия Долгорукого от второй его жены. Княжичу исполнилось три года, когда умер отец. Владимирский князь Андрей Боголюбский, старший брат Всеволода, возненавидел мачеху и изгнал ее в Константинополь. Она взяла с собой младенца Всеволода.

На чужбине мальчик воспитывался до пятнадцати лет, а затем Боголюбский разрешил ему вернуться на Родину. С тех пор и началась боевая жизнь юного княжича. Он верой и правдой служил старшему брату, участвовал во всех его походах, принимал участие в государственных делах.

После смерти Боголюбского суздальцы и владимирцы у Золотых ворот присягнули ему, позвав владеть княжеством. Но не все хотели видеть его государем. Некоторые бояре и воеводы желали поставить на престол его племянника Мстислава. Опять, как и прежде, начались раздоры. Мстислав, разгневанный на дядю, отправился в Рязань и тамошнего князя склонил к войне с Всеволодом. Началась, как пишут летописцы, бедственная война. Полыхали села, гибли посевы, на юге княжества оживились половцы, уводя в рабство русских людей.

Враги Всеволода подступили к Москве, заложенной Юрием Долгоруким, и предали огню

Кремль, посады и слободы, где жил простой народ. Так Москва впервые подверглась опустошительному пожару.

Враги Всеволода не довольствовались уничтожением Москвы. Мстислав захватил вотчину Андрея Боголюбского — Боголюбово, превратив дома и храмы в развалины. Это был удар по святому месту старшего брата.

Над Суздальской землей стоял плач. Такого урона люди давно не знали. Междоусобная борьба князей, разорявшая Киев и соседние области, пришла на земли Залесья и Ополя. Всеволод собрал великую рать. У реки Колокша его полки настигли рязанское войско. Оно было разгромлено. Мстислав и рязанский князь Глеб попали в плен.

Народ требовал их ослепления. Но Всеволод не пошел на такую жестокую казнь, заключил Глеба и Мстислава в темницу. Но зато не пощадил тех, кто убил Андрея Боголюбского, особенно бояр Кучковичей, руководителей заговора.

Всеми своими силами Всеволод Юрьевич старался примирить князей. Ему это удалось сделать в Чернигове. Но разгромленные в южных степях половцы стали совершать грабительские набеги на границы Владимиро-Суздальского княжества. Пришлось и туда посылать полки.

Всеволод Юрьевич княжил 37 лет. Он умер, оплакиваемый народом, на пятьдесят восьмом году жизни. При нем вершилось справедливое правосудие, возводилось много храмов. Летописец рассказывает: «Трепетали корыстолюбивые вельможи, а бедные князя любили».

Он оставил четырех дочерей и восьмерых сыновей, за что и прозвали его Всеволодом Большим Гнездом. Из этого «гнезда» выпорхнул внук Всеволода великий князь Александр Невский, который разгромил немецких рыцарей в знаменитом Ледовом побоище. Праправнуком его был Дмитрий Донской, победивший татарские орды в Куликовской битве.

Основатель Москвы оставил после себя замечательных потомков, которые навечно прославили Русскую землю.

ДОЛГИЕ РУКИ

В те времена было принято давать князьям прозвища — Мудрый, Удалой, Добрый, Храбрый. Суздальского князя Юрия нарекли Долгоруким. То ли за долгие и дальние походы. То ли оттого, что его владения с юга на север простирались на долгие сотни верст.

И правда: его руки всюду доходили. Долгорукий побывал в самых дальних уголках своей земли. Настоящий правитель должен знать, как живут его подданные. И оберегать их. И заботиться о них.

Выезжал он в свои уделы, когда там случались бунты простолюдинов. И жестоко наказывал бунтовщиков. В Белоозеро Юрию Долгорукому подали прошение некоего Даниила, заточенного в темнице.

«Не боюсь, господине, осуждения твоего, — писал Даниил. — Знаю твое добросердечие и прибегаю к всегдашней твоей любви. Заточен я по злему оговору. В несчастье все отвернулись от меня. Взываю к тебе, господине. Помилуй. Избавь от нищеты, как птицу из западни, как утенка из когтей ястреба, ибо неповинен».

— Кто сей Даниил?

— Холоп, княже. А ране служил в твоём полку.

Он пал на колени перед Юрием. Измученный взгляд, не по летам сед. Кажется, он был дружинником.

Вот его история. Раненый в бою, остался на излечение в Киеве; там и обучился грамоте. А потом вернулся в Белоозеро. Взял его на службу богатый господин — учить детей. Однажды вышла у него с господином ссора. Бывалый воин бросился с кулаками на хозяина, не вынеся оскорблений. Даниила бросили в темницу, оговорив, что он вор и мошенник.

— По злобе навет! — убивается Даниил.

Разобрались княжеские тиуны: действительно богатый господин оклеветал Даниила, подкупил местного воеводу, и

тот велел бросить бывшего дружинника в темницу.

— Освободить! — велел Долгорукий.

Через многие столетия дойдет до наших дней бумага, написанная Даниилом-заточником:

«Слово свое я писал в заточении. Пустил слово плыть по озеру. Его подхватила рыба и проглотила. Рыбу поймал рыбак. Она попала на стол к князю. И князь увидел мое писание и велел освободить меня из горестного заточения...»

— Грамотен, хорошо пишешь, — сказал Долгорукий. — Беру гонцом в свою дружину. Куда пошлю, оттуда станешь сообщать, что где случилось.

КНЯЖИЙ СУД

Заботился князь о родном Суздале. Просторный княжий двор — детинец с островерхими теремами, с множеством крылечек, башен, палат — виднелся издалека. Реки Каменка и Гремячка обнимали детинец с востока и запада. С севера его защищал ров с зацветшей стоячей водой Нетекой.

Здесь, у Нетеки, буйствовало городское многоязычное торжище. Отовсюду доставлялись товары и продукты. Белоозерцы раскидывали на прилавках пряжу и ткани, войлок и изделия из моржовой кости. Ростов привозил овощи. Волжские рыбаки предлагали икру, белую рыбу. Ярославль ковал оружие. Судиславль гордился обливными горшками, медной посудой. Восточные купцы развешивали шелка, ковры, узорные ткани.

Так жил торговый Суздаль. Но еще он был и «ученым городом». Подобно тому, как в Киеве, открыли училище для отроков — овладевать ученой премудростью.

Тысяцкий Симонович занимался с отроками письмом, чтением, звездознанием, математикой. На экзамене по природным наукам задавал младшим школярам вопросы:

— Каков есть месяц — зиме перелом?

Отроки хором отвечали:

— Генварь-просинец.

— Отчего так зовется?

— От синевы неба.

— Какие еще есть месяцы?

— Август-зарев. От цвета зарницы.

— Май-травный.

— Сентябрь-ревун. Звери сильнее режут в том месяце.

Один из дружинников обучал кулачному бою, стрельбе из лука. А старшие отроки постигали законы, писанные князем Ярославом Мудрым. Свод этих законов назывался «Русской Правдой». В «Русской Правде» указывалось, какие есть злоумышленные поступки и как наказывать их.

Всяк суздалец мог увидеть, как те законы приводятся в действие. На открытом месте судил сам князь. Строился помост. Над ним крепились боевые стяги,

красовались ветвистые оленьи рога. Князь восседал в кресле. Рядом — писец, бирючи-глашатаи. Глашатай выкрикивал имя истца, ответчика, свидетелей.

Вот обвиняемый — мужик в стоптанных лаптях, в длиннополой рубахе, в блинообразной шапке.

— Господине! — клянется истец-челобитчик. — Сей вор увел с моего двора тягловую лошадь. Вот соседи — Яшка да Пашка, они видели.

Яшка и Пашка дают присягу, что будут говорить только правду.

— Все как есть, господине княже. Истинно так.

— Бес попутал, — признается вор. — Прояви, батюшко княже, милость. Жена, пятеро детишек.

— Конь тягловый? Не верховой?

— Тягловый.

Знать это важно. «Русская Правда» дает на сей счет свое толкование: сколько платить штрафу за одного коня, сколько за другого. Верховой конь ценится куда дороже. Приговор такой: вору уплатить челобитчику две гривны, что составляет фунт серебра. За верхового коня штраф составил бы раза в два больше. Не заплатишь — посидишь в темнице, белого света не увидишь. Такой закон.

Слуги тащат к судейскому помосту убийца, зарубившего топором жену. Смертная казнь в княжестве не применялась. Но убийца ждет вечное холопство при князем дворе. Холопами станут и все его родственники.

Порой не просто отличить правду от наговора. Если обвиняемый говорил, что не совершал страшного деяния, правоту свою он должен был доказать железом. Делалось это так. Подозреваемый в убийстве или в воровстве голый рукой брал раскаленный кусок железа. Рука перевязывалась. Если через три дня рана заживала, приговор князя гласил: невинновен.

ЖДАНОВАЯ ГОРА

Но редко выдавался спокойный год в Суздальском княжестве. Все чаще донимали новгородцы. Борьба шла за Новый Торг (Торжок). Через его водный путь с юга в Новгород доставлялась пшеница. Что, как заткнет это «горлышко» князь Долгорукий?

— Без хлеба нас оставит, — тревожились новгородцы. — Того и гляди, поморит голодом. Укорот надо дать!

В Новгороде исстари повелось решать все дела на вече — собрании, где одинаково мог сказать свое слово князь и боярин, ремесленник и ратник, купец и простолудин. В такие дни гудел вечевой мно-

гопудовый колокол, извещающий о важном событии — празднестве, горе, походе.

Поход! Было решено идти на Долгорукого. Новгородский князь Всеволод возглавил воинство. Всеволод был неискусен в ратных делах, но сумел убедить новгородцев, что вернется с победой.

Стояла зима 1135 года. Новгородцы двинулись к Ждановой горе, как раз между Суздалем и Новгородом. Бойцы тысяцкого Симоновича стали у дальних склонов горы. Засадный полк во главе со старшим сыном Долгорукого Ростиславом затаился в лесу. Передовые отряды сошлись в низине. Кровь окрасила поле битвы. Схлестнулась конница. С вершины Ждановой горы Долгорукий смотрел на побоище. То одни отряды брали верх, то другие.

Засадный полк! Пора ему вступать — с тыла. Те уроки многому научили Долгорукого. Но и новгородцы имели засадный полк. Так что силы были пока равны.

С вершины горы виднелись дальние деревни, крытые соломой, утонувшие в сне-

гу землянки, лодки, вмерзшие в ледяной покров озер. Вот где, на вершине холмов, лучше всего ставить заставы, строить детинцы новых городов. Так, обозревая местность, думал Юрий.

Но, кажется, пришла пора и самому вступить. С тремя сотнями конников Долгорукий спустился в долину, ближе к левому флангу, менее защищенному неприятелем. Натиск его был неудержим. Опытные ратники не оставили живого места в стане князя Всеволода. Сам он едва унес ноги. Скоро ликующие суздальцы вступили в Новый Торг. Новгородцы не простили Всеволоду позора. Он был посажен под арест в доме епископа.

А к Долгорукому направили послов, которые униженно просили мира.

— Княже, вече решило звать тебя на новгородское княжение. Возьми власть в наших землях.

Быть новгородским князем? Его, вчерашнего врага, зовут правителем? В те времена, когда захваты чужих земель ста-

ли привычными, как смена дня вечером, мало кто из князей отказался бы от власти, которая сама дается в руки.

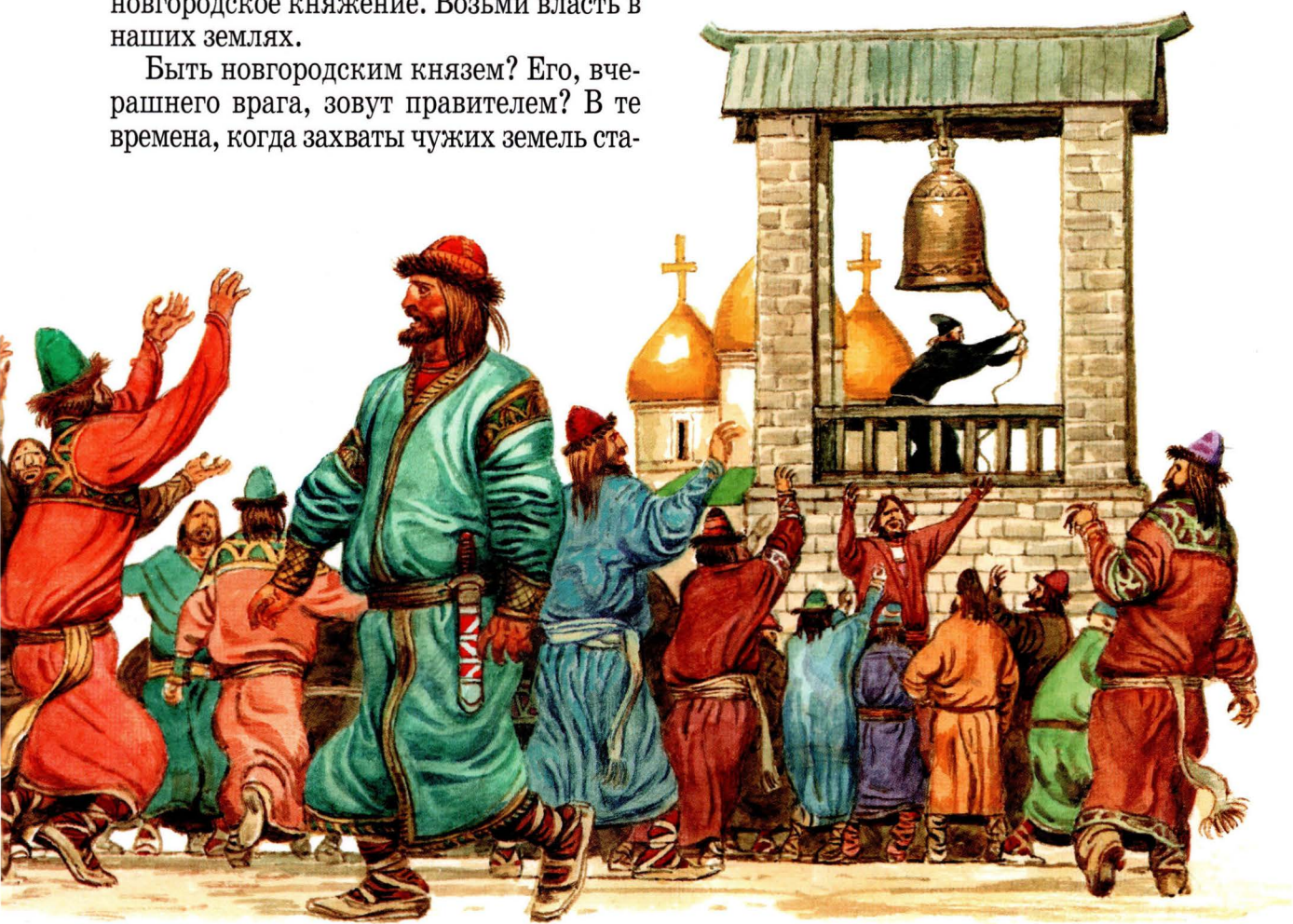
— В тебя, господине, — говорили послы, — мы верим больше всех. Пусть Суздаль и Новгород соединятся, вместе жить лучше.

Велика честь, да не про него. Не замыслили ли послы чего-нибудь худого? Честны ли их намерения?

Симонович сказал:

— Ради выгоды и вольность свою готовы продать. Хотят заловить сразу двух зайцев. Новый Торг вернуть и наши богатства заполучить.

Нет, Суздаль он не оставит. С шести лет он там князем. Там дом, детинец, любимый народ. Юрий Долгорукий поблагодарил

послов, но от предложения отказался. Взамен себя выдвинул старшего сына Ростислава.

— Вече за тебя кричало, князь.

— Пусть покричит за сына.

Так и случилось. Хотя Ростислав недолго княжил в Новгороде, но эти годы принесли покой и мир северным границам Суздальского княжества.

А на юге, в киевских землях, вновь начались распри. Уже не было в живых Владимира Мономаха, он умер в 1125 году. На его место, по старшинству, заступил родной брат Долгорукого — Мстислав. Много он сил потратил, чтобы утишить своенравных родичей. Потом в Киеве правили другие сыновья Мономаха. Но против них — Мономашичей — один за другим поднимались другие князья.

Забыли Любеч. Забыли, как целовали крест, обещая жить в мире. Умер слепой Василько, и злодеяние его брата Давыда Игоревича ядовито расплодилось по Русской земле. Только Ополье и Залесье наслаждались тишиною.

Но и этот покой был недолговечен, а мир хрупок. Надо укрепить западные границы княжества! Построить заставы, расселить там дружинников. Еще раньше Долгорукий присмотрел в излучине двух рек замечательное место. Оно звалось Боровицким холмом. В окружении красных сел — Сущево, Кулишки, Кудрино, Симонново — Боровицкий холм представлял выгодную высоту для пограничного дозора.

Боярин Кучка, владевший этими землями, давно не ладил с Долгоруким, проявляя непокорность. Он чувствовал себя самовластным князьком, имел своих ратников, грозился, что всякому даст отпор, кто посягнет на его села.

Ах, боярин Кучка! С кем вздумал тягаться силой, соперничать? Не вставал бы на пути, когда есть нужда оборонять княжество! Печальная участь постигла Кучку. Казнили его.

«КТО ТЫ БУДЕШЬ, МОЛОДЕЦ, У РЕКИ СМОРОДИНЫ?»

В тот год Юрий Долгорукий с дружиной возвращался из северных владений своего княжества. Он заложил новый городок Юрьев. Дружинники пожелали, чтобы он назывался по имени князя.

У берегов реки Мсты Долгорукий провел немало времени, примиряя местные племена — чудь, меря. А двумя месяцами раньше, по пути из Суздаля, велел заложить на Боровицком холме детинец. Как раз там, где река Неглинная впадает в Москву-реку. В народе эту реку называли Смородиной. Этой ягодой полнились моховые болота близ Боровицкого холма, влажные опушки дремучего бора...

В селе Кулишки Долгорукий встретился с древним стариком. Тот, сидя на завалинке, перебирал струны гуслей. Голос глуховатый, но песня понравилась князю.

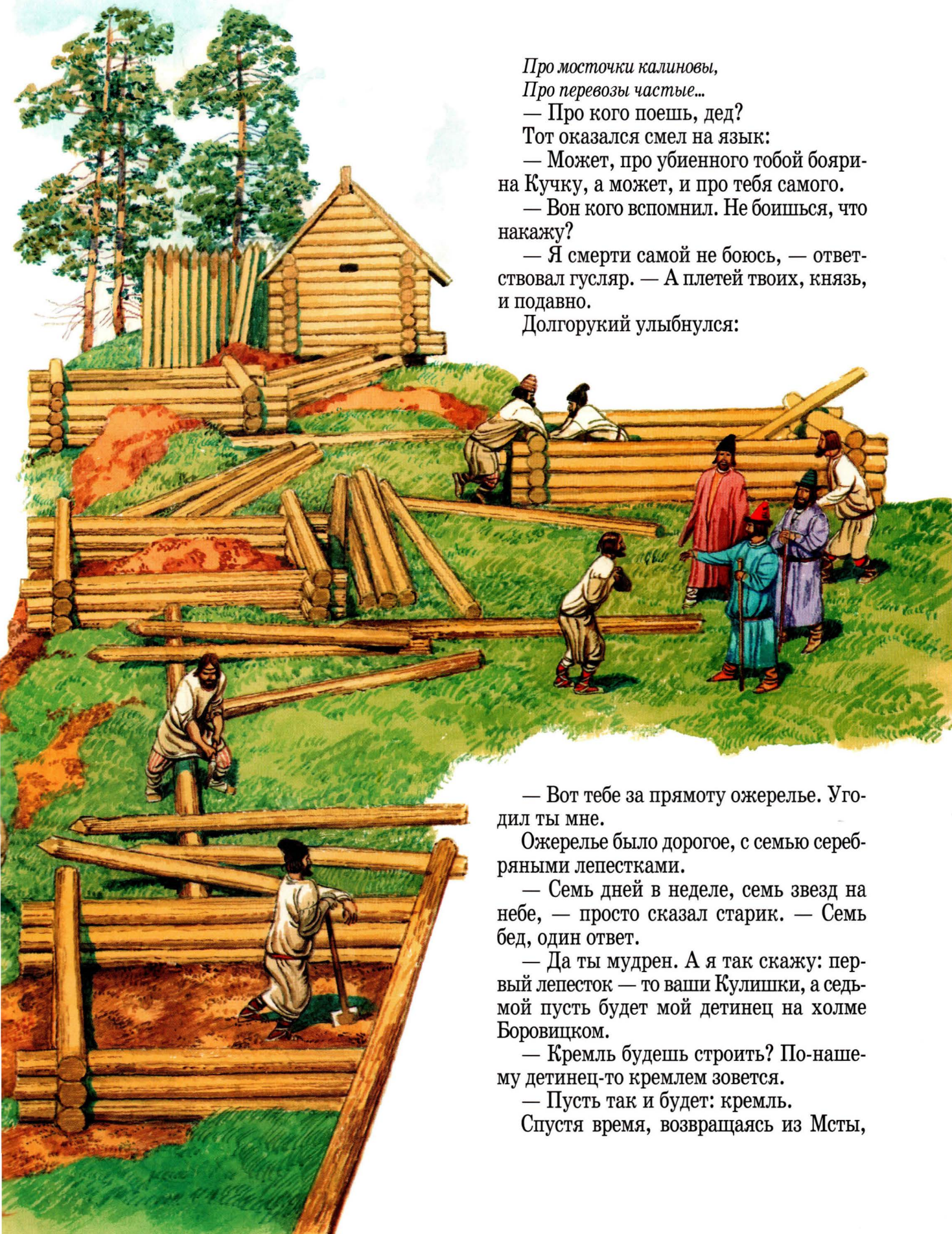
Кто ты будешь, молодец, у реки Смородины?

Ты скажи мне, быстра река Смородина?

Ты про броды пешие и конные,

*Про мосточки калиновы,
Про перевозки частые...*
— Про кого поешь, дед?
Тот оказался смел на язык:
— Может, про убиенного тобой бояри-
на Кучку, а может, и про тебя самого.
— Вон кого вспомнил. Не боишься, что
накажу?
— Я смерти самой не боюсь, — ответ-
ствовал гусляр. — А плетей твоих, князь,
и подавно.
Долгорукий улыбнулся:

— Вот тебе за прямоту ожерелье. Уго-
дил ты мне.

Ожерелье было дорогое, с семью сереб-
ряными лепестками.

— Семь дней в неделе, семь звезд на
небе, — просто сказал старик. — Семь
бед, один ответ.

— Да ты мудрен. А я так скажу: пер-
вый лепесток — то ваши Кулишки, а седь-
мой пусть будет мой детинец на холме
Боровицком.

— Кремль будешь строить? По-наше-
му детинец-то кремлем зовется.

— Пусть так и будет: кремль.

Спустия время, возвращаясь из Мсты,

Долгорукий не узнал холма. По его северному склону легла бревенчатая дорога. Две башни дозорные примкнули к воротам.

Симонович, оставленный тут за старшего, встречал князя. Тащились повозки со сваленными деревьями, камнем, строгаными брусьями, осиновым лемехом для покрытия крыш.

— Эх ты, дядька любезный, расстарался, — удивился Юрий.

Поднялись к воротам, украшенным ликом Христа Спасителя. По крутым ступеням Долгорукий взобрался на дозорную башню. Далече видать! Хвойные зубцы сосен и елей. Узкая тропа к Кулишкам. Дальше — покатые склоны, равнина. Все окрестности — как на ладони. Тайком враг не подойдет. Будь ты хоть кочевой разбойник, хоть своенравный сосед.

Бревенчатый тын окружал с десятка два домов, церковку, колокольню и поднятую к небу голубятню. Голубятне Юрий по-детски обрадовался.

— Спасибо, дядька. И голубей уже приручил.

— Так знаю, чем тебя умиловить.

— Отменно постарался.

Дружина в шлемах, латах входила в ворота младенческого по возрасту детинца — Кремля.

Княжеский терем еще не готов. На широкой площадке поставили шатер. При входе в него стояли песельники; среди них знакомый старик-гуслиар.

Завидя князя, грянули хором:

Воротился молодец

За реку Смородину.

Не узнал молодец

Того броду конного.

Не увидел молодец

Перевозу частого.

— Хороша твоя песня. — Долгорукий обнял старика. — И верно: не узнал броду конного. Благодарствую.

В шатре Долгорукий прибрался. Ему помогли распоясать кольчугу. Отобедав и

отдохнув после долгой дороги, вышел на улицу. По реке шел лед. Дружинники разожгли костры, готовили варево.

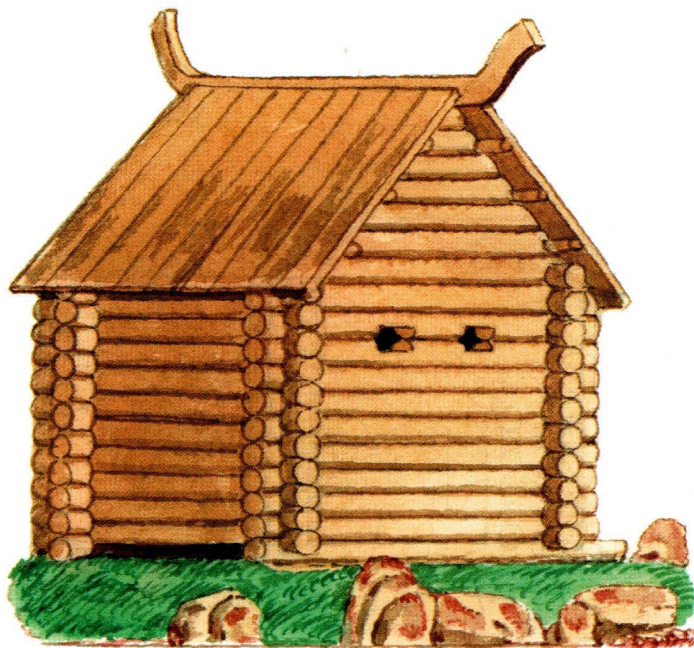
По узкой улочке, по мосткам, среди болотистой грязи Юрий направился к артели плотников. Избы обживались. Топились по-черному; дым из топящихся печей шел через окна.

Плотники низко поклонились Долгорукому.

— Топор!

Стальной лопастью ловко стесал стружки с елового бревна. Запахло смоляной живицей.

Дома строились без единого гвоздя. Кряжи на концах крепились «в лапу»: зубцы нижних брусьев, словно пальцы, зацеплялись в выемках брусьев верхних. Связь четырех бревен составляла венец, венец ставился на венец — изба подрастала: венец за венцом, венец за венцом. До самой кровли-князька, до острого гребня-конька. Четыре стены, прорубленные окна, а в горнице уже складывалась печь. Будто в угоду князю, именовалось то, из чего складывалось строение: конек! князек!

Долгорукий торопился в Суздаль. Но так случилось, что вовсе не предвиденные события задержали его на Боровицком холме. С южной стороны, из-под Киева, прибыл гонец. Этот день по-церковному звался днем Федула Теплого и Ветреного. Хотя и шел еще лед на реке, но Федул принес уже безветренное тепло. Каким же, однако, холодом повеяло от вести, что принес гонец. Юрий сразу узнал его. Даниил! Тот самый, что писал жалобу из Белоозерского заточения.

— Ты? — удивился Юрий.

Полгода назад вместе с сыном Иваном Долгорукий послал дружину в Черниговское княжество помочь двоюродному брату Святославу воевать с врагами. Святослав не мог нарадоваться на Ивана. Храбр. Честен. Умен. «Делит со мною, — писал Святослав, — труды и заботы».

Даниил подал князю пакет. Юрий раскрыл его. До боли прикусил губу. Невыносимая весть — сын Иван пал в бою. Сам князь Святослав подвергся нападению со стороны киевского князя Изяслава. Изгнан из родного города Путивля. Разорена усадьба, пленены дружинники. «Юрий, я отныне сирота. Нигде нет мне пристанища. Скитаюсь где придется. Гонят отовсюду. И по твоему сыну Ивану плачу...»

Даниил пал к ногам Долгорукого:

— Батюшка-князь, не вели казнить за дурную весть.

Долгорукий смежил веки. В глазах его стояли слезы. Он укрылся в шатре. Сидел, обхватив голову ладонями. Господи, какая мука... Иван... Сынок... Ему не исполнилось двадцати лет. Сам напросился помочь родному дяде. Как все это пережить?..

Князь забылся во сне. В шатер зашел

Симонович, прикрыл его плащом, сидел у постели до утра. У Симоновича не было семьи; детей Долгорукого он выхаживал с младенческих лет, считал их сыновьями. И горе тысяцкого было неподдельно.

Долгорукий метался в постели. Проснувшись, притянул Симоновича. Оба не скрывали слез. Говорили о злом умысле киевского князя Изяслава, его жестокой мести Святославу, которому было заповедано княжить в Киеве. Дурное время. Ради власти один брат мог ослепить другого. Изяслав убил племянника, сына Юрия; без малейшего сожаления разорил отеческое гнездо несчастного Святослава.

Свечи горели слабо, освещая лик Спасителя и бросая желтоватые блики на доспехи Долгорукого — на щит из прочной брони с леопардом на лицевой стороне и двумя полукружиями на обратной его стороне. «Соедини эти линии в один круг», — так когда-то сказал дядька Симонович. «А как это?» — «Сам догадайся».

Сама жизнь, труды, заботы дали ответ на эту загадку. Круг единения вокруг Суздальской земли не был завершен. И как знать, достанет ли для этого его века? Но Долгорукий уже ясно представлял золотое российское кольцо — Суздаль, Владимир, Ростов, Углич. И вот отныне новый детинец — Москва. Да, да, именно так он назовет, по имени реки Москвы-Смородины новый город на Боровицком холме.

— Писца! — позвал Долгорукий.

Худенький монашек явился в шатер. Долгорукий диктовал письмо, неторопливо шагая по меховым подстилкам. Монашек ловил каждое слово князя.

Письмо адресовалось князю Святославу. Там были горькие строки. Гонец доставил весть о смерти сына Ивана. Сия печаль разрывает сердце. Но, видно, такова воля Господня. Он, Юрий Долгорукий, сын Мономахов, князь Суздальский, будет крепиться, пока есть силы. Тяжко узнать

о том, как киевский князь Изяслав поступил со Святославом. Хорошо, хоть очей не лишил, как было с Васильком...

— Пиши, чернец, — повторил Долгорукий. — «Будь, брате, ко мне в Москву...»

Ко мне в Москву! Так впервые — отныне и навсегда — будет упомянуто имя города, которому суждено стать столицей Российского государства.

«Ко мне в Москву!» — простые эти сло-

ва, звучавшие в древней летописи, станут известными в дальних и ближних городах, всесветно облетят мир.

«Ко мне в Москву!» — с этим приглашением гонец Даниил с несколькими всадниками поскакал в ту сторону, где скитался несчастный Святослав.

Долгорукий ждал недолго. Вот уже дозорный прокричал с вышки:

— Вижу кибитки. Едут! Едут!

Звонарь ударил в медь. Под полотняными навесами накрывались праздничные столы. Долгорукий потребовал коня, выехал навстречу гостю. Нашел он Святослава в небольшом селении Лобынске, вблизи левого притока Оки. Несколько суток Святослав находился в дороге, спасаясь от коварных родичей. Что дальше, как жить? Несчастья обессилили его. А

тут радостная весточка: «Будь, брате, ко мне в Москву».

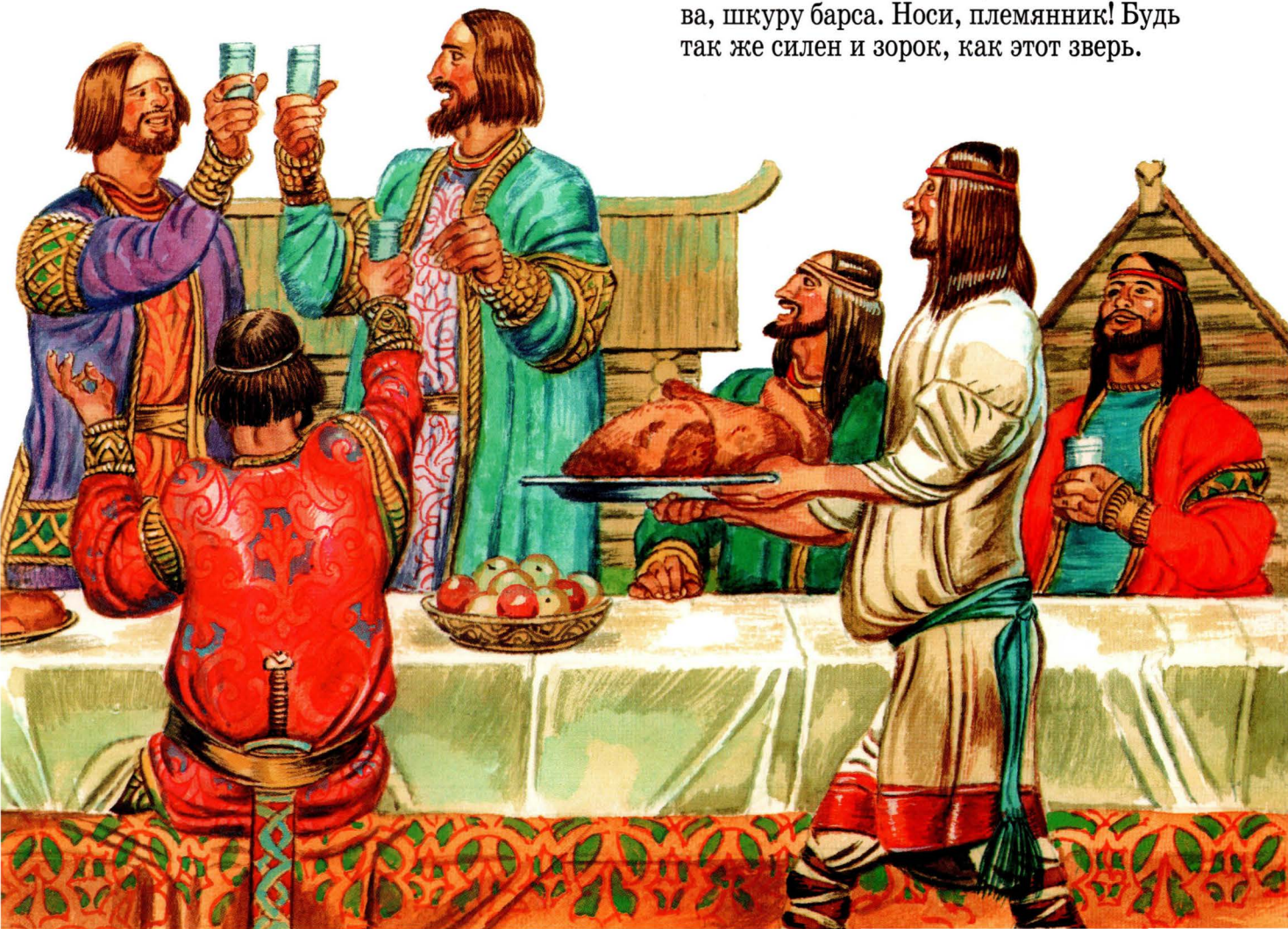
Москва? Что за место? И вот издали, подъезжая к границе Суздальского княжества, увидел он на высоком холме бревенчатую ограду, возвышающуюся над ней маковку церкви, колокольню.

Бор раздвинулся. Ехали свежавырубленной просекой. Берег реки. Наплавной мост, поставленный на примкнутые друг к другу лады.

Спешившись, Долгорукий быстро шагнул по мосту — высокий, полнотелый, в черном развевающемся плаще, с непокрытой головой.

— Вот свиделись! — и крепко обнял Святослава.

Пир продолжался до первых звезд. Звучали заздравные слова. Отроки обносили гостей кубками. Юрий накинул на плечи юного княжича Олега, сына Святослава, шкуру барса. Носи, племянник! Будь так же силен и зорек, как этот зверь.

Им о многом предстояло поговорить, Юрию и Святославу. Но сейчас они молча стояли у склона Боровицкого холма. В вышине парили стаи голубей. Белые воркуны, чернокрылые чистяки, трубачи, рыжие турманы, дутыши. Они кружили

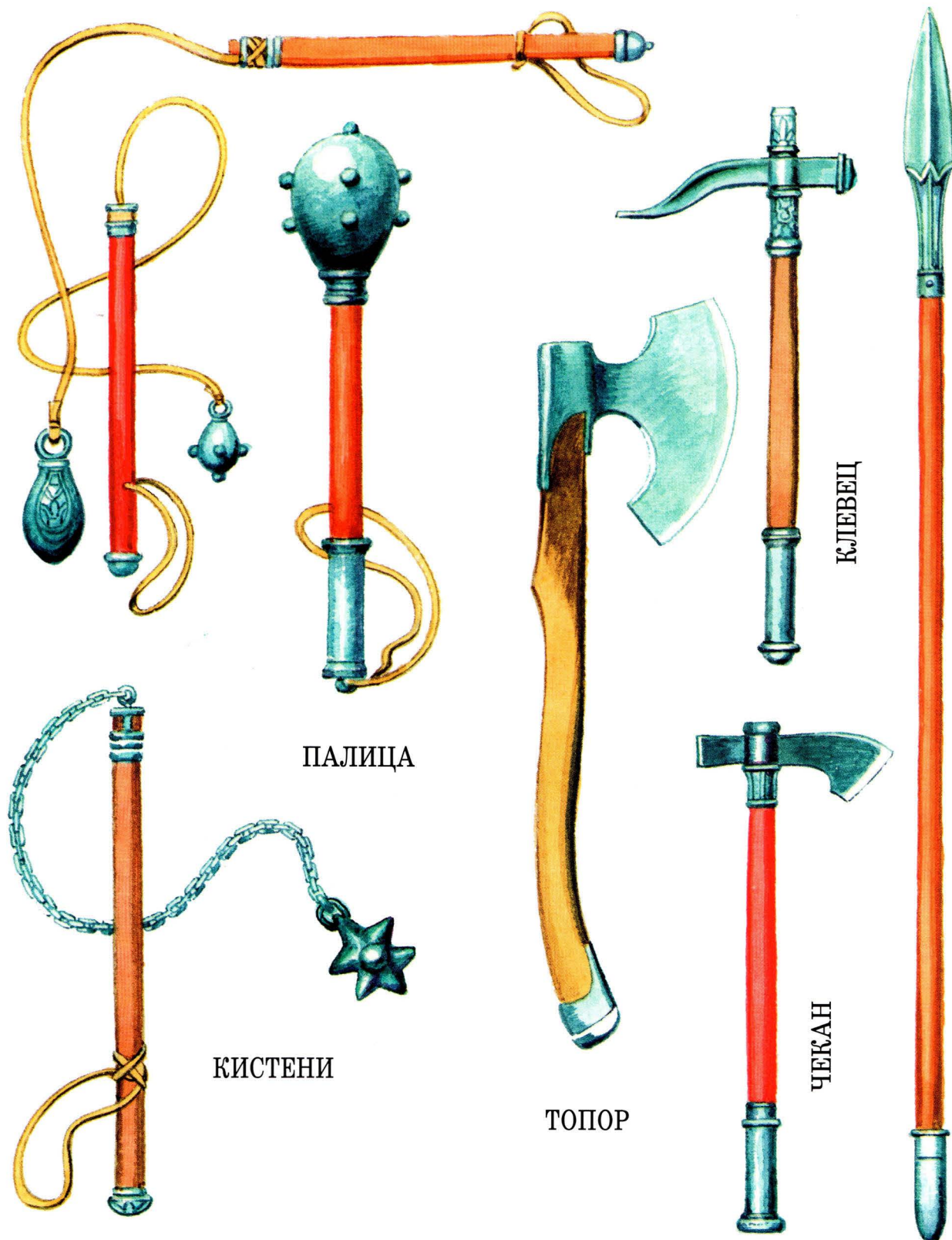
над детинцем. Один из отроков с высокой вышки длинным шестом правил их полетом, словно обозначая пределы московского неба.

Был 1147 год. Начало лета. Начало Москвы с ее детинцем — Кремлем.

ОРУЖИЕ ЭПОХИ ЮРИЯ ДОЛГОРУКОГО

ПАЛИЦА

КИСТЕНИ

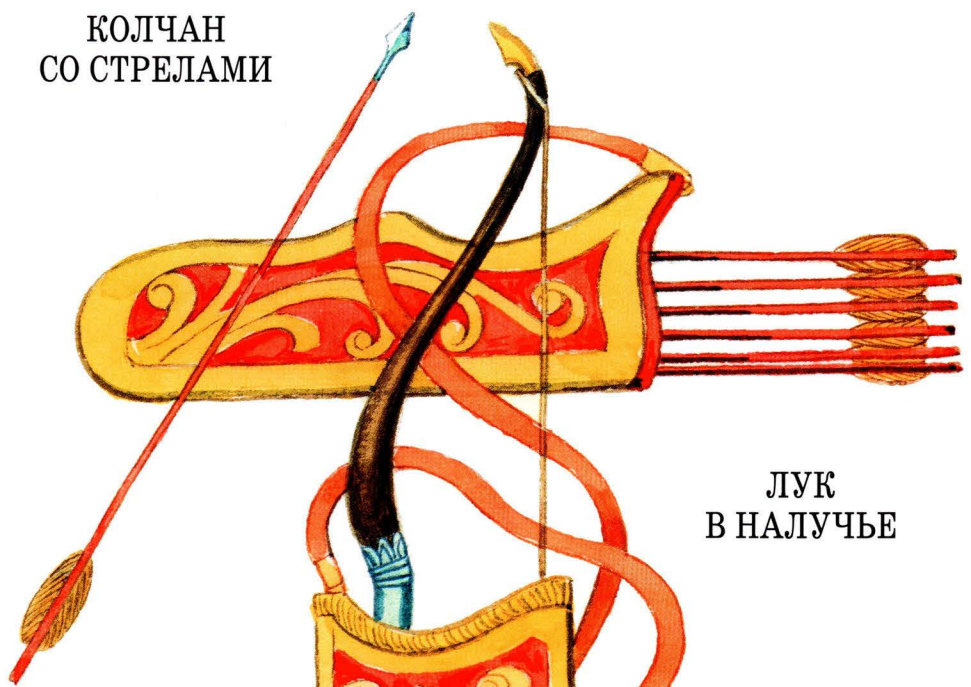
ТОПОР

ЧЕКАН

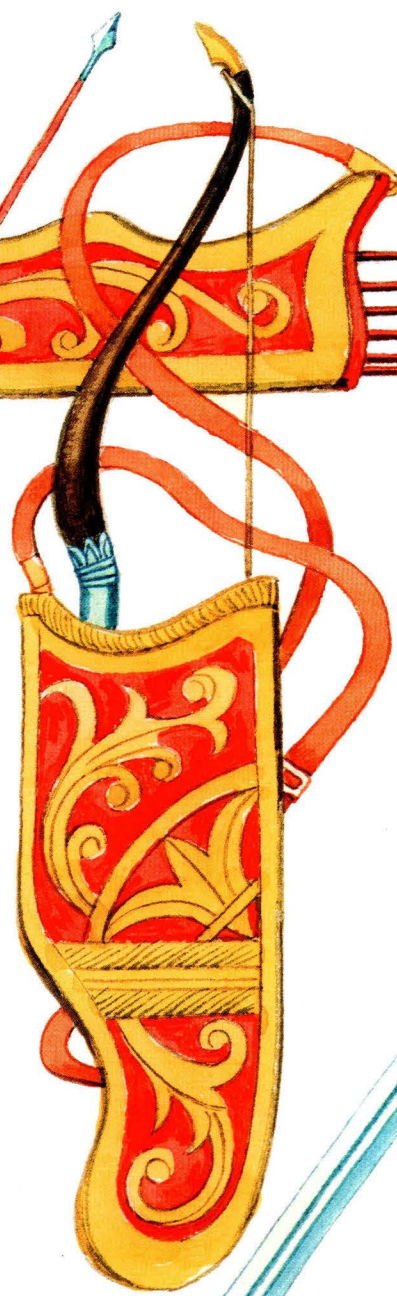
КЛЕВЕЦ

РОГАТИНА

КОЛЧАН
СО СТРЕЛАМИ

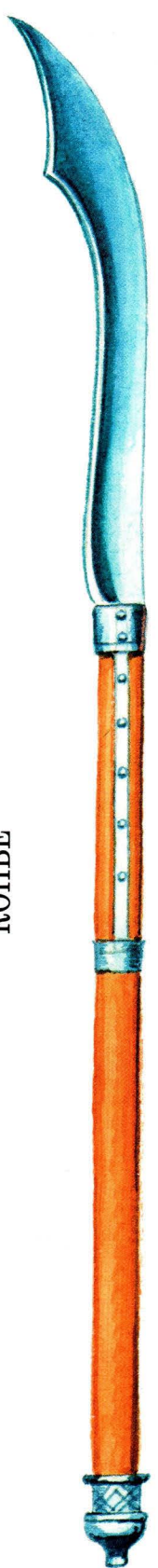
ЛУК
В НАЛУЧЬЕ

КОПЬЕ

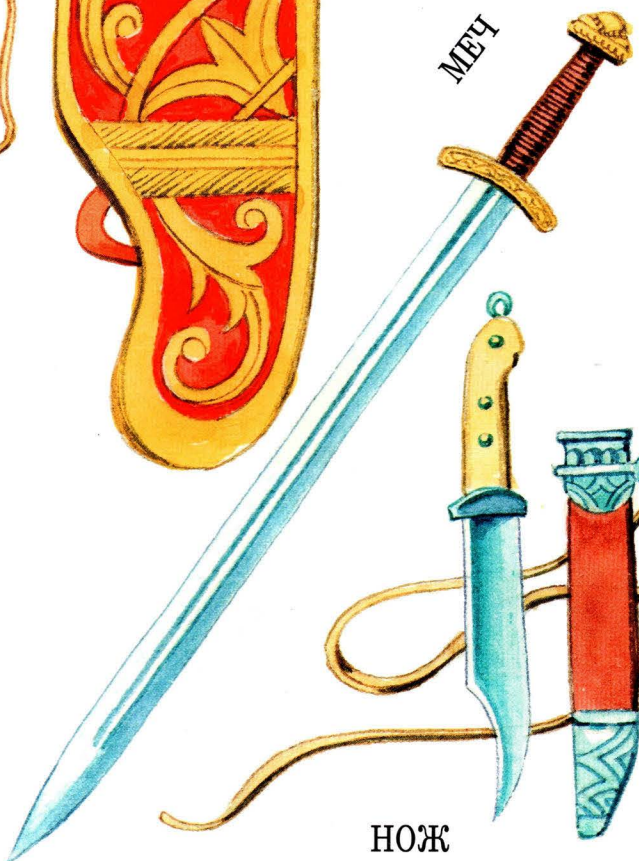
СОВНЯ

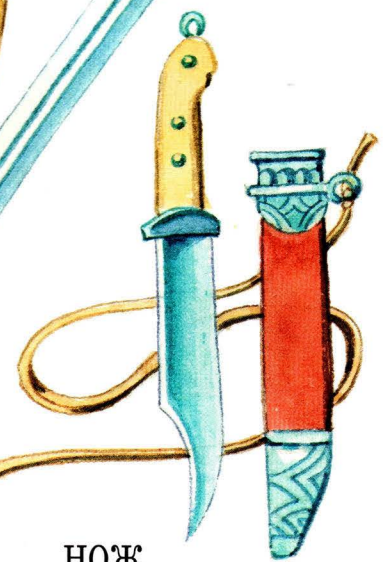
САБЛЯ

МЕЧ

НОЖ

ДОСПЕХИ ЭПОХИ ЮРИЯ ДОЛГОРУКОГО

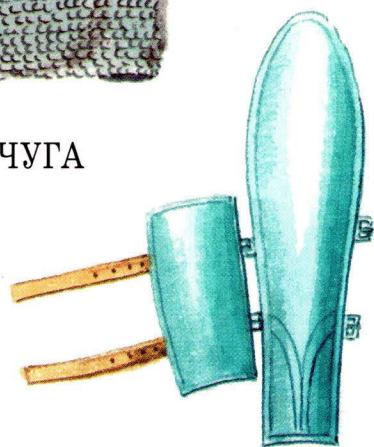

НАРУЧИ

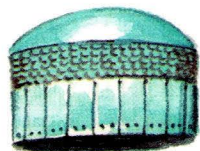

ШЕЛОМ
С БАРМИЦЕЙ

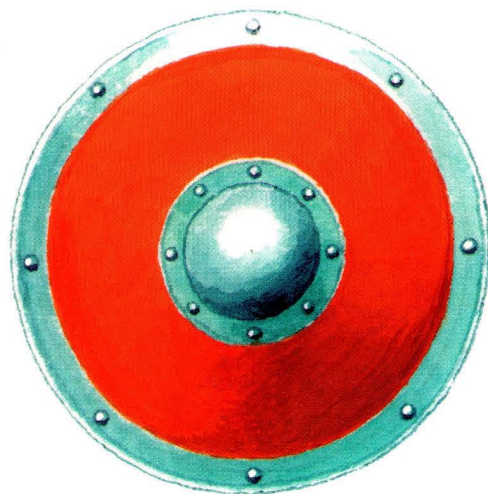
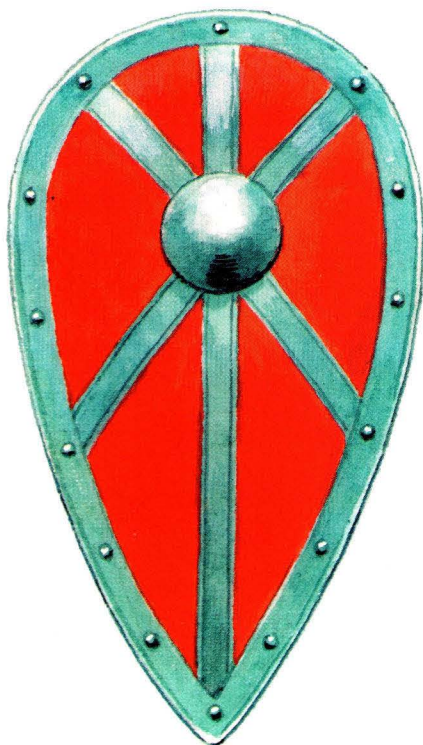
КОЛЬЧУГА

ПОНОЖИ

МИСЮРКА

ЗЕРЦАЛО

ПЛАСТИНЧАТЫЙ
ДОСПЕХ

ШИШАК

ШЕЛОМ

ЩИТЫ

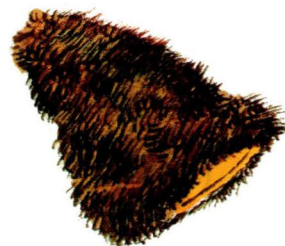

ШАПКА
ЖЕЛЕЗНАЯ

КРЕСТЬЯНЕ

ГОЛОВНЫЕ
УБОРЫ
В ДРЕВНЕЙ
РУСИ

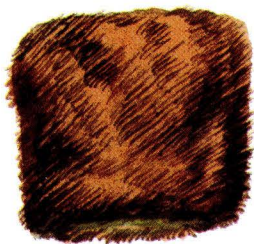
ГОРОЖАНЕ

КНЯГИНЯ

ЗАЖИТОЧНЫЙ
КРЕСТЬЯНИН

БОЯРИН

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ И
ЕГО ПРИБЛИЖЕННЫЕ

СОДЕРЖАНИЕ

РОДИНКА	4
ПОЙТЕ СЛАВУ ИМЕНИ ЕГО	9
КЛИЧ МОНОМАХА	12
КОВАРСТВО КНЯЗЯ ДАВЫДА	15
БИТВА У СТЕН ШАРУКАНИ	19
СУЗДАЛЬЦЫ — ДОБРЫ МОЛОДЦЫ	22
ЮРИЙ, ВСТАВАЙ РАНО	26
ДОЛГИЕ РУКИ	29
КНЯЖИЙ СУД	30
ЖДАНОВАЯ ГОРА	32
«КТО ТЫ БУДЕШЬ, МОЛОДЕЦ, У РЕКИ СМОРОДИНЫ?»	34

*Рекомендовано Министерством образования РФ
для дополнительного образования*

ИСТОРИЯ РОССИИ

Юрий Долгорукий

Для младшего и среднего школьного возраста

**Жизнеописание Юрия Долгорукого, князя Суздальского
и великого князя Киевского, который основал и укрепил Москву.**

Руководитель проекта Н. Астахова
Ответственный редактор Л. Яковлев
Редактор Е. Григорьева
Технический редактор В. Мороз
Корректоры О. Попова, Е. Коротаева
Компьютерная верстка М. Минаев

ISBN 5-7793-0124-7

ЛР № 064517

Консультант
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
отдела древнерусской литературы ИМЛИ
О. В. Гладкова

В издании участвовало
творческое объединение
при Фонде Ролана Быкова
101000, Москва, Чистопрудный бульвар, 12а, тел. 916-92-50.

Издательство «БЕЛЫЙ ГОРОД».
129626, Москва, ул. Новоалексеевская, 20а.
Отдел реализации — тел. 286-42-11
Оптовые поставки — фирма «Паламед», тел. 289-55-89, 288-75-36
Розничная продажа:
Торговый дом «Библио-Глобус», 101861, Москва, ул. Мясницкая, 6;
Санкт-Петербургский Дом книги, 191186, Санкт-Петербург, Невский проспект, 28;
книжный магазин «Свиток», 127018, Москва, Лазаревский пер., 2.

Отпечатано в типографии KoroPrint, Италия
Тираж 10 000 экз.

УДК 0875:[947+950]
ББК 63.3(2)
Д98

© «Белый город», 1998
© Текст, Ю. Крутогоров, 1998
© Иллюстрации, В. Юдин, 1998

Электронный вариант книги:

Скан: [LenAlis](#)

Обработка, формат: [manjak1961](#)

ЛАДОГА

НОВГОРОД

ТОРЖОК

ЯРОСЛАВЛЬ

РИГА

ПСКОВ

ПЕРЕЯСЛАВЛЬ

СУЗДАЛЬ

ПОЛОЦК

МОСКВА

ВЛАДИМИР

МУРОМ

СМОЛЕНСК

КОЛОМНА

ОКА

РЯЗАНЬ

БУЛГАР

ПИНСК

ЧЕРНИГОВ

НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЙ

ТУРОВ

КИЕВ

ПЕРЕЯСЛАВЛЬ

ГАЛИЧ

ДНЕПР

ДОН

ВОЛГА

ПРУТ

ДНЕСТР

Ю. БУГ

РИГА

ЛАДОГА

НОВГОРОД

ТОРЖОК

ПСКОВ

ЯРОСЛАВЛЬ

ПЕРЕЯСЛАВЛЬ

СУЗДАЛЬ

ПОЛОЦК

МОСКВА

ВЛАДИМИР

МУРОМ

СМОЛЕНСК

КОЛОМНА

ОКА

БУЛГАР

РЯЗАНЬ

ПИНСК

ТУРОВ

ЧЕРНИГОВ

НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЙ

КИЕВ

ПЕРЕЯСЛАВЛЬ

ГАЛИЧ

ДНЕПР

ДОН

ВОЛГА

ПРУТ

ДНЕСТР

Ю. БУГ

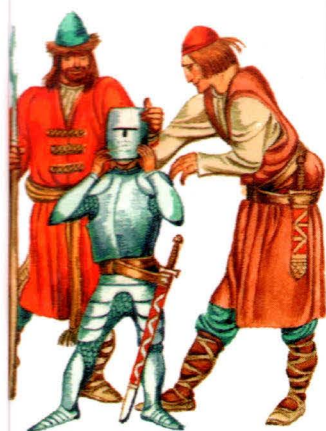
ЮРИЙ ДОЛГОРУКИЙ

Князь поднес Юрию ломоть.

Андрей Боголюбский (1110 — 1174) — один из сыновей Юрия Долгорукого.

Василько расцеловал Юрия:
— Доспехи тебе по росту.

Георгий Победоносец

Ярослав Мудрый (978 — 1054) — сын великого киевского князя Владимира Святого. Правил государством 35 лет.

РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО РЮРИКОВИЧЕЙ (XI—XII вв.)

Иллюстрированный словарь «ОРУЖИЕ И ДОСПЕХИ ЭПОХИ ЮРИЯ ДОЛГОРУКОГО»

Бились врукопашную, топоры, палицы, копыя — все смешалось в этой схватке.

«БЕЛЫЙ ГОРОД»

Рекомендовано Министерством образования РФ